DIGITAL BOOK

МИРЫ АРТЁМА КАМЕНИСТОГО

S-T-I-K-S

КАТЭР ВЭЙ

ОХОТА НА СКРЕББЕРА

ИДДК

Катэр Вэй

S-T-I-K-S. Охота на скреббера

Серия «S-T-I-K-S»

Серия «Мечты сбываются», книга 2

Серия «Миры Артёма Каменистого»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39140937

Аннотация

«Охота на скреббера» – фантастический роман Катэр Вэй по миру Артёма Каменистого «S-T-I-K-S», жанр боевая фантастика.

Через многое пришлось пройти Доку в новом мире. Не единожды стоял он между жизнью и смертью, но всякий раз только чудом выбирался из передряг. Обзавёлся друзьями и даже нечаянно создал третью расу благодаря своему дару, но главного так и не достиг. Но теперь он знает куда приходит кормиться скреббер. Цель поставлена давно-добыть белый жемчуг, вот только чем и кем придётся пожертвовать ради этой цели?

Внимание! Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	39
Глава 3	56
Глава 4	78
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Катэр Вэй
S-T-I-K-S. Охота на скреббера. Книга 2

© Каменистый Артём (Мир S-T-I-K-S, его устройство и терминология)
© Вэй Катэр
© ИДДК

Пролог

Иссохшаяся доска лестницы противно скрипнула под ногами. Поломанные перила опасно шатались. Я медленно поднимался на второй этаж, ступая аккуратно, всеми силами избегая лишнего шума.

В комнате царил бардак: наспех заколоченные разным деревянным хламом окна первого этажа, раскиданные вещи, перевёрнутая мебель, фото с улыбающимися людьми, наискось перечёркнутое неровной бурой полосой в полстены… Всё говорило о том, что люди от чего-то прятались и это что-то, похоже, ворвалось в дом. Очевидно, произошло страшное. Противная вонь, отдающая кислятиной и гнилью, сильно напрягала нервы.

Я был готов к опасности, подстерегающей меня в этом доме. Но всё происходит очень неожиданно.

Ваша жизнь в таких ситуациях зависит от наработанных месяцами реакций.

Когда я увидел «нечто», то растерялся, хотя видел их тысячи и убивал сотни раз.

Маленькое существо – ребёнком ЭТО назвать язык не поворачивался – покачиваясь, дёргая назад то одним, то другим плечом, подволакивая пальцы ног, вышло из спальни. Склонив голову набок, неестественно вывернув шею и утробно заурчав, шагнуло мне навстречу. Её огненно-рыжие

волосы висели грязными, застывшими сосульками. Когда-то огромные, зелёные глаза, теперь подёрнутые мутной плёнкой, словно у дохлой рыбы, плотоядно таращились на меня, не выражая ничего, кроме голода. Запёкшаяся бурая корка на лице и руках и перепачканное в крови светло-зелёное платье указывали на недавнюю трапезу.

Оно тяжело дышало, выдавливая воздух с сипением и хрипом, на вдохе воспроизводя жуткое урчание, не присущее никому живому. Оскаленные грязные зубы с остатками мяса и, кажется, какой-то ткани, клацали, предвкушая очередную поживу, приближались ко мне.

Я же стоял, как вкопанный, не чувствуя собственного тела. Липкий, леденящий ужас струился в жилах вместо крови. Грудная клетка, замершая на вдохе, отказалась работать, скованная судорогой, до тех пор, пока пронзительная боль в руке, оттого, что её жрут, не вывела меня из ступора.

Перехватив свободной рукой томагавк, я нанёс удар…

Я сидел на ступеньках, весь в крови, баюкая укушенную руку, и смотрел на двух одинаковых призраков, отличающихся только цветом волос, которые обнимали третьего призрака – рыжеволосую девочку, гладя её по голове. Призраки исчезли, не сказав мне ни слова. Я остался наедине со своими мыслями…

Глава 1

– Вы обратно меня не берёте с собой?! – бухтел недовольный Аби, загружая ящики в машину. – На остров с Мухой не пустили в рейд, с Прапором не пустили и сейчас с собой не берёте! – Поставил раздражённо ящик в кузов, знатно приложив его о дно.

– Э-э! Не картошку таскаешь, офигел так швырять?! – возмутился шедший следом с очередным ящиком Студент. – Ты бы ещё в футбол им сыграл! Ерунда ведь, что там боезапас, да?

– Прости, я нечаянно. Но серьёзно, Студент, почему меня уже вторую неделю дома держат, как маленького?! Вообще-то, это уже возрастная дискриминация получается! Я жаловаться буду, – наигранно насупился парнишка, пытаясь изобразить как можно более серьёзное и злое лицо.

– Да, да, правильно, Аби! В письменной форме, пожалуйста, и на стол к Седому! – съёрничал Фома, ставя ещё один ящик в автомобиль. – Глава рассмотрит твою жалобу, и виновные понесут наказание в обязательном порядке, – хихикнул он, разворачиваясь в обратном направлении.

Мальчишка насупился на самом деле:

– Так нечестно, правда! Что я, хуже других что ли. Я уже не ребёнок, – тащился подросток, опустив голову, вслед за Фомой.

– В том-то и дело, Аби, что ты ведёшь себя, как маленький. Тебе Леший что сказал? Сидеть дома на хозяйстве и смотреть за живностью. Почему Рыся не ноет? Она точно так же сидит вместе с тобой. Но от неё мы ещё ни единого звука не слышали, а ты уже весь мозг выклевал. Тоже мне, птичка заёбышек. За лисятами, по-твоему, кто следить должен? Или давай их раздадим, к чёртовой матери, тогда и забот у тебя не будет. На, вот, лучше, тащи, – Фома сунул в руки мальчишке объёмную сумку, – скажи Студенту, что всё остальное сам подниму.

– Не надо никого раздавать…

– Не обижайся. Просто, у каждого свои обязанности и своя ответственность. Каждый находится там, где от него больше всего пользы в данный момент, и ты, как взрослый, должен это понимать.

Аби постоял ещё пару секунд, обдумывая услышанное, перехватил поудобнее сумку и пошёл наверх, поднимаясь по шахте домашнего бункера.

Я подъехал на своём «Комбате» к воротам усадьбы Лешего. В машине копошился Студент, укладывая коробки.

– Здорово! – протянул я руку, приветствуя друга. – О, уже и ногти отросли?!

– Ну да. – Студент повертел пальцами, сжал и разжал ладонь. – Уже как новенькая, немного тянет, правда, и чешется зараза, а так – ничего, нормальная.

– До сих пор не могу поверить в здешнюю регенерацию.

Феноменально! – Я рассматривал во все глаза не так давно отросшую руку Студента, которую ему оторвал мутант во время штурма Парадиза несколько месяцев назад.

– Рука – это ерунда. Я видел однажды, как мужик ногу отращивал вместе с левым полужопием. Вот где феноменально. Филину же нашему полспины выдрал кусач, вместе с куском позвоночника, и ничё, скачет уже, как лось ретивый.

– Где этот лось, кстати? Он с нами едет?

– Не-а, его Седой на стены припряг. Говорит, мы халявщики. Стабу внимание не уделяем. То болеем, то катаемся, хрен знает где, а дежурить вечно некому.

– Привет, Док, – раздался у меня за спиной голос Аби, – мы уже почти собрались. Кофе будешь?

Я кивнул.

– Ры-ы-ся! Рыся! – звонко закричал паренёк в сторону дома.

Из окна второго этажа высунулась девчонка лет пятнадцати, не больше, с короткой стрижкой под каре. Её тёмные, ровные волосы мягко обрамляли лицо, делая его ещё более круглым и детским.

– Чего ты орёшь?! Ой, привет, Док! – Махнула она рукой, приветствуя меня.

– Кофе сделай! – крикнул Аби.

– Сколько? – поинтересовалась Рыся.

– Да делай всем, – ответил Студент, вылезая из машины. – Арман с Киром сейчас придут. Выпьем да поедем.

– Кир тоже едет? – удивился я. Вроде, когда планировали, состав совершенно другой был. А тут и Филина припахали, и Кир с нами. – А Леший где?

– В штабе. У них там собрание с утра пораньше. Снова Манчестер чего-то затеял. Леший не едет, Кир вместо него. Надоело ему в стабе сидеть, покататься хочет, – ответил Студент.

– Да, уж, передислокация, однако… – я был удивлён – разве можно так менять всё перед самой дорогой? – но промолчал. Куда мне лезть со своим-то трёхкопеечным опытом в стабе.

– О! Здорово, Док, – Фома вышел из-за дома, неся длинную, небольшую, но видно, что увесистую сумку.

– И тебе не хворать, – протянул я руку для пожатия.

– Бросай барахло! Пошли кофе пить, – сказал Студент уже с порога дома.

Не успел я зайти, как меня атаковали один серый и два рыжих разбойника.

– Ага! Попался! – подхватил я на руки одного из лисят и, пытаясь удержать изворачивающееся и кусающееся существо, потрепал его по холке и отпустил на свободу.

Меня тянули за штаны сразу в три разные стороны. Я присел, принялся гладить и играть с лисятами.

Один серый, с рыжиной на холке, самый мелкий из помёта. Его назвали Ниф-Ниф. Второй рыжий, с чёрными лапами – Наф-Наф. И третий, самый крупный и самый наглый,

ярко рыжий, с белой грудью, копия мамы, получил кличку Нуф-Нуф.

С кличками долго ломали голову, придумывая и боевые, и звучные, но всё было не то. Больше месяца они бегали безымянные, пока не влезли в кухонный шкаф. Перевернув все продукты, в том числе и муку, разгрызли пластиковые бутылки со сгущёнкой и подсолнечным маслом, перемешав всё с крупами, от души вывалялись в смеси. Зайдя в самый разгар на кухню, Арман вызверился:

– … (не подлежит печати)… и какие вы после этого лисы, если вы – СВИНЬИ!

С тех пор у нас и появились три поросёнка.

– Ах, вы, бандиты, а ну, не кусайся! Слезь со спины, Ниф!

– Ах, я вам щас дам! – послышался из кухни приближающийся голос Рыси.

Лисята, прижав уши, прыснули кто куда. Один нос и два глаза выглядывали из-под кресла. Второй нос показался из-за дверей, третьего вообще нигде не было видно.

Я усмехнулся, глядя на схоронившихся бандитов. Рыся их строила только так. Она единственная, кроме родной мамки, кого они слушались.

Оказавшись в доме Лешего, девочка была просто в неописуемом восторге от зверинца и тут же приступила к воспитанию мелких. Мы же с ними сладить не могли. Чем они становились старше, тем больше пакостей творили. Чего только стоил задний двор, который они превратили в швейцар-

ский сыр, нарыв там в мягкой земле бесчисленное количество дыр! Так что, с появлением девочки из тайги, мы все выдохнули с облегчением.

Она вообще оказалась фантастической находкой. И характер золотой, и талантов целая куча: природных, не даров Стикса. Дар пока что у неё только один – «скрыт», умеет накидывать купол невидимости. Леший прокачал её дар розовой жемчужиной, мы все скинулись на это. А как она готовит пироги – слюнями изойти можно!

– Алиска обратно с Лешим ушла? – спросил я у Рыси, не заметив любимой лисицы.

После ранения рыжая сильно изменилась в поведении. Леший, и без того не чаявший в рыжухе души, в последнее время и вовсе прикипел к ней всем сердцем. Она отвечала ему тем же, постоянно таскаясь следом. Леший уже не выезжал в рейды без Алиски. Казалось, что они буквально понимали друг друга. Хотя, возможно и впрямь понимали. Неизвестно ведь, как чёрная жемчужина, которую я ей скормил, подействовала на зверя. Людям жемчуг даёт дар, почему бы и зверю не дать. Кто знает…

– Как обычно, – пожала девочка плечами. – Кофе готов. Вы там будете пить, или вам сюда принести?

* * *

Выехали только к девяти утра, хоть и планировали на

семь-начало восьмого.

Я крутил баранку, поглядывая по сторонам.

Вытоптанная тысячами ног минувшей орды земля начала оживать, покрываясь ярко-зелёным ковром разнотравья.

Как оказалось, в этой части Улья пребывала вечная поздняя весна, или раннее лето. Дожди не частили, и температура не падала ниже плюс четырнадцати градусов.

Заночевать решили у меня дома, в старой квартире моего родного кластера, заодно и проверить версию о подвале соседа, полном стыренного у государства оружия. На двух машинах ехать было не так страшно, как в прошлый раз. Или я просто привык уже, адаптировался к новой реальности?

Беспощадные тренировки принесли свои плоды. Я уже не был тем суповым набором, с чёрными кругами под глазами. Мышцы наросли по всему телу, улучшились реакция и выносливость. Я научился разбираться, практически, в любом оружии, не только в теории, но и на практике. С дарами тоже разобрался. Оказывается, дар «призрак» не такой уж и безобидный. С его помощью можно совершать рисковые, немыслимые и неожиданные диверсии. Так же, как и с даром «лекарь» или «хилер», вполне можно остановить сердце или даже вырвать орган. Любой орган противника, до которого дотянешься в тот момент. Парализовать лёгкие, порвать или передавить основные артерии. Всему этому меня научил наш лекарь Батон. Я даже не думал, что лекари с прокачанными дарами настолько опасны.

Валдай тоже поднатаскал меня нехило в своём даре – даре «призрак». Как оказалось, один гениальный рейдер разработал очень хитрую технологию боя при помощи небольших предметов. Если всунуть один небольшой предмет в другой и выпустить из руки, то произойдёт маленький «Бум!». И без разницы, что во что впихивать.

Мы начали с колышков и тренировочных щитов. Так же учили и Валдая.

Я вошёл в состояние призрака. Рука, с зажатым в кулаке деревянным колышком, свободно проходила сквозь щит. Всунув кол в щит, я отпустил его и… послышался громкий треск ломающейся сухой ветки, и щепки полетели во все стороны. На месте моего колышка зияла дыра размером с мой кулак. Вот так и тренировались. Чем больше предмет или плотнее вводимый материал, тем больше дырка. А с гранатами вообще прелесть получалась. Взрыв усиливался в несколько раз. Была только одна загвоздка: чем больше предмет, тем сложнее его выпустить – он будто прилипал к рукам. Вот светошумовую гранату я ещё кое-как стряхнуть с руки мог, но от чего-то более крупного избавиться так же легко уже не получалось.

Вот с даром «ксера» у меня было не так всё радужно, как хотелось бы. Пока я мог копировать только маленькие вещи. Патроны самого мелкого калибра – это мой предел. На большее не тянул. Манчестер сказал, что просто нужно время. Лет через пять я смогу копировать всё, что поместится в ру-

ку. А если я стану квазом, то и того больше, потому что у кваза руки гораздо больше человеческих. На что я ему предложил слопать чёрную жемчужину и самому шлёпать противотанковые. Говорит, что уже несколько раз так и делал, причём специально, но некоторые – тонко намекнул на Лешего – растут, как на дрожжах, и остаются здоровыми, даже после обращения в человека, а некоторым не везёт.

* * *

– Засада! – рявкнул Арман, хватаясь за автомат.

Я увидел посреди дороги, как мираж – подрагивающее марево, которое всё больше и больше приобретало очертания самосвала, стоящего аккурат поперёк. И тут же, нарастающий шквал эмоций, идущий с обеих обочин – люди! Агрессивно настроенные люди, алчущие поживу.

В то же мгновение послышались дробные звуки от выстрелов по кузову и бронестеклу. На стекле прямо перед моим лицом появилось сразу три пятнышка, оставленных пулями.

Я прибавил скорость и выкрутил руль влево, держа курс чётко напрямик. Машина ухнула в кювет. Меня подбросило на сидении и больно припечатало грудью о руль. Выпустил весь воздух из лёгких, лязгнув зубами. В глазах на мгновение потемнело. Мёртвой хваткой вцепившись в баранку, пронёсся по людям, пытающимся спастись. Один попытался встать, вскидывая при этом руки в моём направлении. Не

знаю, что он хотел сделать, но, к моему счастью, ничего не успел. Второй откатился в сторону, ещё двое других просто таращились с перекошенными от ужаса лицами. Происходящее пронеслось перед глазами буквально за мгновение.

Арман, подлетев на сидении, вписался лицом в лобовое стекло, при этом смачно ругнувшись на своём родном цыганском наречии.

Под колёсами послышался, нет, скорее почувствовался хруст ломающихся костей. Перекошенные ужасом лица лежащих в укрытии людей так и стояли перед глазами, отпечатавшись на сетчатке фотокадром. Звуки стрельбы по моей машине возобновились. Раздался взрыв, тут же ещё один. Дрифтуя, развернул «Комбат» в обратном направлении и, прибавив газу, смачно врезался в стрелка, стоящего в нескольких метрах от кровавого месива своих недавних товарищей. Тело буквально разрезало пополам острым клином отбойника, забрызгав кровью весь капот. Злой как чёрт Арман продолжал материться, болтаясь по салону и хватаясь за всё, за что можно и нельзя.

Пальба раздавалась с дороги. Немного буксанув на подъёме по сочной траве, вылетел на асфальт. Наш «Патриот» дымился, но огрызался, отстреливаясь из бойниц, прорезанных специально для таких случаев в бронелистах.

Я увидел, как из правого кювета в мою сторону полетел небольшой предмет. Закувыркавшись по асфальту, подарочек катился прямо под машину. Прижав педаль акселерато-

ра, бросил вперёд рычаг коробки передач, резко отпустил сцепление и, нещадно портя резину колёс, рванул вперёд. Позади жахнуло! Прорвались! Снова слетел с дороги мордой капота в кювет. Вывернул влево, полетел, целясь отбойником в разбегающихся людей, фонящих страхом смерти. Оба свалились раньше, чем я до них доехал, видимо, подстреленные из второй нашей машины.

– Тормози! Тормози! Тормози! – орал Арман, видя, что я и этих сейчас перееду.

Я вновь поцеловал зубами руль, а Арман – панель с лобовым стеклом.

Машина встряла, не доехав каких-то пару метров. Перед капотом появился Кир. Тут же исчезнув, появился вновь. Раненые были уже связаны пластиковыми хомутами по рукам и ногам. Кир было опёрся о капот, но тут же отдёрнул руку, брезгливо сморщив нос, стряхнул с ладони останки людской плоти.

– Фу! Мерзость! – посмотрел на ладонь, вынул белый платок, оттёр кровь и выкинул его в сторону.

Арман, утерев рукавом кровь с разбитых губ, вылез из машины, придерживая ушибленную руку.

– Что у вас там? – спросил он у Кира, слегка прихрамывая. Подошёл к связанному, несильно пнув того ногой.

– Обошлось. Прикрыть успел, но машина – в хлам. – Кир посмотрел на окровавленную физиономию Армана – Что, бронь пробили?

– Не. Ему спасибо, – ответил Арман, кивнув в мою сторону.

Я всё так же сидел, вцепившись в руль, и неотрывно смотрел на грязный капот. Из носа и губы капала кровь.

– Там все – двести, – донесся до меня голос Студента. – Вот, это всё, что смогли снять. Один вообще, на два разделился. Почти всё оружие в хлам. Тебя где так учили по людям кататься, Шумахер? – постучал он костяшками пальцев по ветровому стеклу. – Э-э-э, брат, да ты в ступоре. А ну, нака, глотни, – открыл он дверь и сунул мне фляжку под нос.

Взяв флягу, выпил глотков пять алкогольной, терпкой, плохо пахнущей жидкости. Поморгал, сбрасывая ступор, постепенно приходя в чувство. Звучно сглотнул, протяжно выдохнул, посмотрел на флягу. Сделав ещё пару глотков, спросил:

– Кто это? Муры?

Людей, настоящих живых людей, мне пока не приходилось убивать, тем более – таким изуверским способом. Хруст ломающихся костей до сих пор стоял в ушах.

– Оклемался? Ты где так водить машину научился? – озабоченно спросил Кир.

– Это он так пугается, – то ли пошутил, то ли всерьёз сказал Арман, вытирая мокрым платком лицо. – В прошлый раз примерно то же самое было. Я тогда думал: он мне или оставшиеся рёбра доломает, или в люк вылечу. Ну, чё, пойдём голубчиков допрашивать? Ща вот и узнаем: муры они или ещё

какая нечисть.

Арман, не миндальничая, просто наступил одному из раненых на простреленную ключицу и прокрутил носком ботинка. Пытаемый взвыл сквозь стиснутые зубы и нецензурно выругался, упомянув всю нашу родню в общем и целом. Пытка повторилась ещё несколько раз, прежде чем раненый бандит скончался от шока.

– Да, чтоб тебя! Ух, ты, какой чувствительный… – расстроился Арман, да и все остальные тоже.

Проверили на разговорчивость второго – молчит, даже не шелохнулся гад.

– Ладно, не хочешь по-хорошему, придётся по-плохому. – Арман скрутил кляп из мокрого платка, которым недавно вытирался, насыпав в него земли, завязал и сунул второму подранку в пасть.

Достал маленький кривой нож, похожий на коготь, с чёрным лезвием. – Не хотел пачкаться, но придётся, – сказал он это тихо, но пробрало даже меня.

Задумчиво, медленно провёл взглядом от головы до ног и обратно, остановился в области живота. Ухмыльнувшись, дёрнул бровью, присел на корточки рядом с побелевшим человеком. – Ну, что, не передумал ещё? – спросил он, задирая ему вещи, оголив нужный участок.

Человек задёргался, пытаясь уползти.

– Не спеши-и-и-и, – прижав дёргающегося каким-то хитрым захватом, быстро сделал несколько неглубоких надре-

зов по животу. Подцепил край и потянул сверху вниз, медленно подёргивая, то натягивая, то чуть отпуская, лоскут кожи.

Человек замычал на высокой ноте и попытался выгнуться дугой, но Арман держал его мёртвой хваткой.

– Смотри, Док, эту науку тебе ещё не преподавали, – сказал рядом стоящий Кир. – Как раз момент подходящий. Учись. Арман – мастер своего дела, но азы каждый знать должен.

– Если бы ты знал, как я не люблю это грязное дело. – сказал Арман, рассекая тело в области рёбер. – Если это не сработает, – продолжал он своё кровавое деяние, – я сделаю из тебя орла, образина. Док, ты слышал про кровавого орла? – тянул он очередную ленту кожи на глухо визжащем чуваке. – Это, когда рёбра подрубают по позвонку и вытягивают их, как крылья. Иногда даже лёгкие вынимают и вешают рядышком. Обычно, от болевого шока умирают, но этот крепкий, значит задохнётся. А ну, помогите-ка мне его на брюхо перевернуть, а то, чувствую, я с ним до вечера цацкаться буду.

Исполосованный мужик тут же замычал что-то нечленораздельное, показывая всем своим видом, что хочет многое быстро-быстро сказать.

– Поговорим? – Арман глянул тому в глаза. Мужик активно закивал головой.

Пленного посадили, уперев спиной о колесо, вынули кляп изо рта.

– Пить, – прохрипел еле слышно мужчина искусанными в кровь губами.

Студент присел рядом, снял с пояса пленного флягу. Свинтив крышку, нюхнул.

– Ты его что, на самогоне делаешь? На, бормотуху свою, пей, – принялся поить связанного. Жидкость проливалась, текла по давно небритому подбородку. – Ну, что, прорезался голос? – спросил Студент, закрывая флягу.

Допрос начал Кир:

– Кто вы?

Пленный сплюнул розовой, тягучей слюной, чуть наклонившись вбок всем телом. Сидеть со связанными за спиной руками было очень неудобно. Онемевшие ноги, туго стянутые хомутами, тоже не придавали устойчивости. Ещё немного и мужчина бы завалился, но чья-то твёрдая рука удержала и вернула его обратно. Пленник болезненно скривился. Он понимал, что лучше рассказать всё, как есть. Хватит с него геройства. Он устал от боли. Стукач? Да и ладно. Кто теперь с него может за это спросить, если он уже, считай, жмур. Никто за него не впряжётся, даже если бы и могли – не стали бы. «Шакалы они все, а не волки. Не за кого терпеть. Был реальный кент, но и его не стало. Теперь моё время пришло…», – подумал мур и начал отвечать на вопросы:

– Академика братки.

Студент с Филином переглянулись. Похоже, они знали, о ком идёт речь.

– Кого тут ждали?

– Вас и ждали.

– Однако… – удивился Фома.

– Рассказывай. Что, по слову из тебя тянуть должен, или продолжить? – Кир кивнул в сторону Армана, вытирающего тряпкой руки.

У меня появилось дежавю. Только руки в этот раз были красные, а не чёрные.

– Стуканули Академику, что группа матёрых вместе со Стариком в рейд поедут. Вот мы и засели встречать.

Все молча переглянулись между собой.

– С каким Стариком? – продолжил Кир.

– Шеф ботал: который самый здоровый будет, как квас, но человек.

– И как же вы Лешего собрались брать-то, всего в восемь рыл? – усмехнулся Кир.

– Бойцы были, самый цимус: анти сенс, телекинетик, мираж и ментальный, два снайпера и сила. Если бы ваш аллигатор тормознул, то повязали бы вас не трепыхнувшихся. Он же Тыра, видать, одним из первых мочканул, и Базай не успел. Вон он, скопытился сразу, – показал подбородком на труп, валяющийся с половиной головы и раскинутыми в стороны руками.

– А-а, а этого я снял. Приметный, – глянул в ту сторону Фома, – Шаманить, падла, собрался, руки ток вскинул, а я ему прям в башку гостинчик: держи, родной. Это ваш мен-

тальный боец, что ли, был?

– Нет. Телекинетик он, – пленный снова плюнул. – Дай живца, – посмотрел он на Студента.

– А говна на лопате тебе не дать? – усмехнулся Студент.

– Не своё же даёшь. Жалко, что ли? – Мур закашлялся, выплюнув сгусток крови.

– Напои, а то скопытится ещё раньше времени, – отдал приказ Кир. – Хм… – потёр он голый подбородок, глядя, как Студент поит пленного, – где вы таких умельцев понабрали?

– Академик цимусных прокачивает жемчугом. Но не на халяву. Отрабатываем.

– У тебя дар какой?

– Снайпер я. Бью без промаха, всегда.

– Точно! Это он нам мотор прострелил, – сказал Фома Студенту. – Я его всё выцелить не мог, прятался быстро гад.

– Кто стуканул о рейде? – продолжил Кир допрос.

– Не могу знать. Харей не вышел. Этот вон, наверно, знал, – кивнул в сторону первого, ныне покойного пленного. – Он с шефом накоротке был. Шушукались…

– Зачем мы вашему Академику понадобились? На внешников работаете?

– Не могу знать.

– Рассказывай, где обитаете, сколько людей, чем промышляете, как с обороной дела обстоят. Где какие посты и так далее. Я внимательно тебя слушаю.

– Что со мной будет?

– Убьём. Быстро и без мучений. Устраивает?

Пленный мельком глянул на Армана и кивнул.

* * *

Пленного мура упокоили быстро и без мучений, как и обещали. Хотя, обычно муров так легко не убивают. Если мур попался, то сдыхает он очень долго и очень мучительно, тем самым расплачиваясь за свои деяния, и другим в назидание.

– Как сказал бы Леший: «Удостоили, ироды, машину хорошую, чтоб вам пусто было!», – вздохнув, сказал Фома, разглядывая слегка дымящийся дуршлаг на колёсах.

– Куда самосвал-то делся? – я был удивлён, когда выкатил на дорогу и увидел там только наш искалеченный «Патриот».

– Никуда. Это была иллюзия. На понт брали. Пошли, Фоме поможем, – Арман вылез из машины. Я направился следом.

В лесу неподалёку стояли «Буханка», переделанная под морозилку с камерой для пленных и УАЗ. До нашего ему было далеко, но, вполне себе, на ходу машина. Это лучше, чем ничего. «Буханку» мы испортили основательно. Если и найдут, то уже не используют. Мур рассказал много интересного, и теперь мы думали, как быть? Если поехать за Василисой, то можем опоздать к Академику. Эти подонки держат людскую ферму. Вырезают органы, сливают кровь и ждут регенерации, чтобы повторить всё вновь. После трёх-четырёх

таких кругов человека просто полностью разбирают на органы, как машину на запчасти. Всё это продают внешникам. К тому же очень важен фактор неожиданности. Они сейчас ждут своих бойцов с новой партией «мяса», но никак не само «мясо», вооружённое и агрессивно настроенное. Прознав о провале операции, скорее всего усилят оборону или ещё чего выкинут, мало ли. Поехать разносить в пух и прах это осиное гнездо? Тут тоже палка о двух концах. Вдруг девочка в эту перезагрузку иммунной окажется, а мы не успеем. Ведь всякое может случиться, мы же не на чай попить едем. Разделиться на две группы – тоже не вариант. Рискованно.

Академик, как мне объяснил Арман, вовсе не учёный и не профессор. Это погоняло он получил ещё на Земле, мотаясь по зонам. Он там был главарём и тут занялся тем же, состряпав себе банду из тех же зеков, прилетающих вместе с куском его родной тюрьмы. Поговаривали, что он не один, но парой, с двойником, никто никогда его не видел. Его убивали несколько раз, но каждый раз Академик появлялся снова и снова. Либо у него дар, либо там действительно всё дело в двойниках.

До кластера с Василисой ехать день. Перезагрузка через три дня. Двое суток и эта ночь в запасе. Выехали так рано на всякий случай. Вот, этот «всякий» и случился. Решили пойти ва-банк.

Отправив на разведку группу призраков, сами поехали к моему бывшему дому в надежде на чудный подвальчик.

Для задумки Кира нам нужна была взрывчатка. Без неё дело очень усложнялось. Мой родной кластер всё равно был по пути, так что мы не сильно теряли во времени.

* * *

– Ты уверен, что мы в перезагрузку не попадём, он же ночной? – спросил я у Армана, подъезжая к городу. Мой друг сидел пристёгнутый ремнём безопасности и выглядел как енот-алкаш. Его опухший, красно-фиолетовый нос дополняли два фингала, синеющих под глазами, будто очки.

– Уверен. Тут перезагрузка каждые пять дней. Сегодня… – он достал записную книжку, полистав, ткнул пальцем в запись, – третья ночь после перезагрузки.

– Что это у тебя? – спросил я о блокноте.

– Это, братишка, ещё одно сокровище нашего мира, – усмехнулся он, пряча блокнот во внутренний карман своей камуфляжной куртки.

– Ну, и обсвинячился я… – глянул он на бурое пятно на рукаве. – Надо бы шмотки сменить. У тварей нюх – ни чета собакам. Махом запеленгуют, проглоты.

– В моей квартире, вроде, должно быть что-то на тебя из барахла. По крайней мере, у меня были и комок, и кожанка. Вот заодно и ботинки себе заберёшь. Надеюсь, подойдут по размеру. А то всё на мои косишься, – я улыбнулся.

Арману с первых дней нашего знакомства понравились

мои байкерские ботинки. Сколько мы искали потом, но таких так и не нашли. Я давно уже сменил свою любимую кожаную куртку на обычную, весеннюю форму мультикам. В ней и удобнее, и не так жарко. Помню, как вырядился в первый день, и смех, и грех. Насмотрелся же фильмов, начитался книжек, вот и перестраховался, боясь всего на свете. Был бы железный скафандр, надел бы и его. Хотя, тактические перчатки без пальцев, хорошие наручи из кожи с металлом, сделанные местными умельцами на заказ, наколенники и ботинки с металлическими носами, те самые байкерские, я ношу и по сей день. Уже не раз они меня выручали в чрезвычайных обстоятельствах. Хороший удар таким вот ботинком, и пыл, да и аппетит у многих становятся гораздо меньше. А наручи удобно пихать в зубастую пасть, прикрываясь во время рукопашной с заражёнными первой или второй стадии развития. Можно и с более развитыми такой фортель попытаться выкинуть, но не факт, что рука останется на своём законном месте. Скорее, в пасти противника застрянет.

Вот и мой родной город.

Вроде и родной, но абсолютно не вызывающий тоску по прошлой жизни. В этом мире я оказался гораздо счастливее и обрёл новую семью в лице своих друзей. От природы прямолинейный скептик, с острым, колючим языком, но готовый, не задумываясь, отдать свою жизнь за любого из нас, недоверчивый Фома. Иногда летающий в облаках, влюблён-

ный в Алинку, но суровый в бою, Студент. Молчаливый, спокойный Филин. Арман, который вечно обо всех переживает и заботится, словно квочка. Педантичный эстет и гениальный мозг – Кир. Бывший КГБист, но вполне весёлый и добродушный в своём узком кругу – Седой. Толстяк Манчестер, которого среди друзей называют главным «хомяком» Стикса за способность из всего делать прибыль и направлять энергию в наиболее выгодное русло, опять же, получая прибыль. Леший – огромный, жизнерадостный здоровяк, которого мы все почитаем как отца. Он один из «стариков» Улья. Мудрый, рассудительный, спокойный. И двое мелких: Аби – одиннадцатилетний непоседливый авантюрист и пятнадцатилетняя Рыся – тихая, с огромной силой воли, умная не по годам. Ещё есть Прапор, но с ним у нас скорее сотрудничество, нежели дружба. Резкий, вспыльчивый вояка, всю жизнь прокатался по горячим точкам той планеты. Он старается не позволять себе лишнего только в присутствии Лешего, и то не всегда сдерживается. Но он является другом Лешего, Манчестера, Седого и Кира. Это наши консулы…

Не так давно мы приняли в семью ещё четырёх человек. Двух бывших бойцов Прапора и свежих иммунных: Тамару и Капитана. Рыся тоже свежая, вместе с этими двумя попавшая в Стикс, но она пока живёт в Парадизе, а Тома и Кеп – на острове, с Умником и его стаей. Умник… тоже дорог моему сердцу, хоть и мутант. Дорос уже до элитника, воспитал себе стаю – хоть маленькую, но разумную. Молодец. Я

горжусь им. Можно сказать, он – моё детище.

Раньше… я был совершенно один… Для меня ад был там, а здесь – я живу, дышу…

Из раздумий меня выдернул голос Армана.

– Э-э! Ты куда поехал?!

Задумавшись, я выехал на главную дорогу, которая пересекала весь город через центр. Я остановил машину, очнувшись.

– Что тут у вас стряслось? Почему через центр правишь? – спросил Кир из подъехавшего, экспроприированного УАЗа.

– Что, родные ветра почуял? – усмехнулся из той же машины, сидевший за рулём Фома.

– В точку. Мысли всякие полезли, – согласился я с другом задумчиво.

– А-а-а, ну да, ты же у нас первый раз в родной кластер вернулся, – улыбнулся Кир, – ностальгируешь? Ну-ну, – кивнул он, явив миру свои белоснежные зубы. – Док, – с лица его резко исчезла улыбка, и изменился тон, – а если влетим?

Меня будто сдёрнули за ноги с облака, и я больно приложился всем сознанием о реальность. Видимо, это приземление отразилось на моём лице, потому что Кир, примирительно сказал:

– Вот, так-то лучше. Веди, Сусанин!

* * *

Свернув на окраину, петляя, мы добрались до моего двора. Вот то место, где я бросил свою машину. Кстати, надо проверить гараж. У меня тоже УАЗ «Патриот» был, может и у двойника такая же марка. Она лучше этого корыта, обитого сеткой рабицей, с наваренным кузовом.

Вот и мой дом… родной двор, в котором я рос, гонял в футбол. Потом на этом пустыре построили детскую площадку. А вот на этой дороге совсем недавно погибли двойняшки…

– Так, Док, бросай хернёй маяться! Обратно тебя понесло, – раздался голос Рыжего. Я тряхнул головой, скидывая ностальгирующее состояние. Время, остановившееся внутри моего сознания, вновь потекло с реальной скоростью.

– М-м-д-а-а, так и до беды недалеко, – подумалось мне. – Привет, Рыжий!

– Привет.

– Что, Рыжий припёрся? – Здорова, братишка! – Арман тоже поздоровался с призраком.

Нет, он не видел и не слышал двойняшек. Но когда приходили наши общие друзья или его крестник Лео, Арман всегда говорил с призраками как с живыми, а я передавал ему ответы сослуживцев из призрачного мира их душ.

Двор был абсолютно пуст, будто два дня назад тут ничего

не произошло, если бы не несколько пятен крови на асфальте и кучки обглоданных человеческих костей.

Остановившись напротив своего подъезда, я откинулся на спинку сидения, закрыл глаза и принялся сканировать округу на наличие и местонахождение заражённых. И ещё у меня тлела маленькая надежда на то, что, может, хоть кто-то выжил. Но навряд ли. Кластер-то быстрый. Даже если и были иммунные и им удалось избежать зубов мутантов, они всё равно уже умерли или обратились от спорового голодания.

Этот кластер обновляется каждые пять ночей. На утро споры грибов уже полным ходом активничают в наших головах. К обеду они полностью овладевают нашим мозгом. Развиваются споры одинаково в обоих видах людей. Но если первых они обращают в чудовищ, то вторых они мучают, требуя дополнительного стимулятора для дальнейшего развития и роста. Не получив этот стимулятор, споры начинают мутировать сами. И либо им это удаётся и они, убив иммунитет, превращают человека в зомби, либо человек умирает первый в страшных муках. Развитие споранов напрямую зависит от длительности процесса перезагрузки. На долгих кластерах и процесс развития дольше. Есть места, где люди неделями ходят, что-то подозревая, но не понимая, в чём дело. В таких кластерах иммунные могут сидеть очень долго, и споровое голодание развивается очень медленно, если не покидать этот кластер. Но стоит ступить за его пределы хоть на шаг, как происходит стремительное развитие голода. У

нас же кластер быстрый. Уже на следующий день к вечеру меня штырило так, что еле глаза в кучу собирал. Если бы не погибшие ребята, их призраки, я бы точно к утру загнулся. А сегодня уже третья ночь на подходе. Нет, шансов точно нету.

Мой дар Эмоциониста гипотезу подтвердил, указав только наличие множества обращённых, сидящих по квартирам. Я взял рацию.

– Тут как в муравейнике. Чуть шумнём, и амба. Полезут со всех окон. Приём.

– Подтверждаю. Много, но всё мелочь. Давай на выход. Конец связи. – Кир отключил рацию и вылез из УАЗа, который припарковался метрах в пяти позади моей машины.

– Ну, что, готов увидеть себя в обличье зомби? – спросил шёпотом ухмыляющийся Фома, который подошёл вместе с Киром и Студентом к двери подъезда. – Говорят, что грохнуть своего двойника – полезно для здоровья иммунного.

– В смысле? – я не понял, шутит он или действительно что-то полезное мне сейчас сообщил. Вечно Фома в своём амплуа…

– Заткнулись оба! – зло прошипел Кир и показал жестами, что за дверью трое.

От моего дара при таком скоплении «народа» толку было мало. Я закрывался наглухо, включая его только изредка и совсем ненадолго. Прощупывать узковекторно, глуша всё остальное, у меня пока не получалось, в отличие от Кира. Но Кир и в Стиксе прожил уже очень много лет, и разновид-

ность сенсора у него была совершенно другая. Он видел организмы, как натуральный тепловизор.

Три, два, семь, девять – набрал я код на замке и отскочил в сторону. Дверь медленно отворилась. Мы замерли по обеим сторонам, прижавшись к стене. У двоих был огнестрел с глушителем на подстраховку, а трое ожидали пустышей с холодным, колющим оружием типа клевец и томагавк. Какое-то время ничего не происходило. Кир два раза щёлкнул пальцами, негромко, но достаточно отчетливо, и тут же послышалось урчание. На свет вышел сосед с третьего этажа, Макс. Неплохой мужик, женат, двое детей – лет пять дочке и два года младшему. В прошлом… Теперь же он – урчащий упырь, весь измазанный уже засохшей кровью, желающий продолжения банкета. Следом, подпихивая в спину Макса, ломилась баба Люся с первого этажа, тоже морда в крови. Интересно, кого она сожрала? Жила-то одна.

Первых двух упокоили быстро, без лишнего шума, одновременно с двух сторон с хрустом пробив им головы. Третий не выходил, хотя Кир кивнул, показав жестом ″Один″. Подождали ещё немного. Тишина. Даже звука нет. Кир легонько постучал рукоятью Томагавка о дверь. И опять в ответ тишина.

– Мя-я-у, мя-я-у, – раздалось над моим ухом. Я скосил глаза на Армана. И тут же послышались очень быстрые, мелкие шаги. На улицу стремительно вынеслась Алёнка, дочка Жени, одинокой матери, живущей напротив моей квартиры.

Малой было не больше семи лет. Почти белые волосы, завязанные в два хвоста, светлая майка и шорты – всё было в крови. Да не просто в крови, а в кровище! Такое ощущение, будто её окунули в ванну с кровью. Только маленькое чистое пятно на спине, говорило о цвете майки. Она споткнулась о трупы и кубарем полетела на тротуар. Закончив кувыркаться, тут же вскочила на четвереньки и, окинув нас пустым взглядом, выбрав в жертву Фому, стартанула с завидной скоростью спринтера.

Фома сделал один шаг навстречу, сменив на ходу клевец на нож, ухватил подбежавшего ребёнка за волосы и коротким ударом снизу вогнал остриё ей в голову, с противным хрустом, через глазницу. Девчонка трепыхнулась ещё пару раз и обмякла у него в руке. Кровь, стекая с лезвия ножа на рукоять, закапала на ботинок. Фома с чавкающим звуком вынул нож из черепа и аккуратно опустил мёртвого ребёнка на тротуар.

– Ну, что, пойдём дальше? – сказал он шёпотом, разворачиваясь к нам лицом.

* * *

Кир придумал замечательный план и главное, что мы нашли всё и даже больше для его выполнения. Спасибо моему вороватому соседу с погонами, которому неясным образом удавалось тырить боеприпас и оружие со складов. Он устро-

ил целый схрон у себя под гаражом, оборудовав там помещение в два раза больше, чем оный.

Своего двойника я убил сам, выманив на лестничную площадку.

Фома сказал, что это не шутка, и после убийства обращённого двойника может появиться что-то вроде управляемого фантома. Если убить иммунного, то там вообще всё с Эзотеризмом связано, и ритуал специальный потребуется. Но при правильном проведении обряда ты забираешь себе жизнь этого человека. Он умирает не сразу, а долго и мучительно, впитывая все твои ранения и принимая за тебя грядущую смерть. Есть такие, которые специально на своих двойников охотятся. Хорошо, что этот ритуал мало кому известен. Многие придурки, наслушавшись подобных рассказов, просто убивают своих двойников в надежде на второй шанс. Но доподлинно неизвестно, даёт это убийство что-то или нет. А плюшка очень-очень заманчивая…

Засев в моей ужасно воняющей квартире, или в его – тут уж как посмотреть, но не суть важно. Изначально я попытался вызвать призрака, владельца этого склада, если он, конечно, реален.

Я не был до конца уверен в его наличии, просто понадеялся на удачу и на правдивость выродка, угробившего наших друзей. Нужного призрака не было. Возможно, он ещё не умер и бродит по квартире, урча и доедая свою семью. Возможно, умер и уже ушёл за грань. Подумав, отдал приказ

своей группе мёртвых обследовать каждый гараж в округе.

Пока они занимались поисками, мы успели плотно поесть и выпить чаю.

* * *

Наша группа пребывала в очень некультурном шоке. Даже Кир, никогда не ругающийся матом, и тот, забористо выразился, окинув взглядом обилие ящиков с маркировкой. А когда нашёл ящик с надписью С-4, то чуть джигу не станцевал. Порывшись, нашли и электронику для дистанционного взрыва. Бронебойных патронов несколько цинков и различных гранат – воз и малую телегу.

– Мужики, гляньте, чё я нашёл! – Фома стоял перед штабелем ящиков с надписями ″АГС-30″ и ″АГС-40″.

– Ни хера себе, подарочек! – восторженно присвистнул Арман.

– Не, мне эта пещера Али-бабы нравится однозначно, – раздался сзади голос Кира.

– А я кевлар нашёл, – сказал Студент, вытаскивая на свет очень странный свитер. – Тут костюмы клёвые, – продолжал он извлекать на свет божий всё новые и новые принадлежности военного гардероба.

Переодевшись и затарившись оружием, двинулись к мурам в гости.

Второй машиной взяли «Патриот» моего двойника. У

него в багажнике тоже оказался тревожный рюкзак. Дома, кстати, я тоже нашёл весь свой набор параноика и даже ботинки, которые тут же отдал счастливому Арману.

– Говоришь, этот кластер обновляется каждые пять дней? – я с хитрым прищуром глянул на Армана, управлявшего машиной.

– Закатай губу обратно, – вздохнул Арман. – Стикс не любит постоянства и частого повторения одного и того же. За это он жестоко наказывает.

Я смотрел, не понимая, о чём он говорит.

– Ну, смотри, обчистишь ты этот склад два-три раза, а на четвёртый тебя элитник тут встретит, или склада не окажется. Либо кластер грузанётся не по расписанию вместе с тобой, или ещё какая хрень приключится. Тут всякое может быть. Нельзя расслабляться и на что-то рассчитывать. Мы с Глобусом одно время повадились по рекам передвигаться. Очень удобно и безопасно. Пару месяцев так покатались, пока на упырей не нарвались, да так, что я чудом выжил. Глобусу повезло меньше. Его просто сожрали, быстро и без особых мучений. Так что можно сказать – тоже повезло, – Арман грустно усмехнулся.

– На мутанта – крокодила попали?

– Да. Там такая машина убийства была… Я потом полгода седым ходил.

Пару минут ехали молча.

– Место это хорошее и найти сложно. Молодец твой сосед,

хороший подвальчик придумал. Вот только, заезжать сюда будем не часто, иначе встрянем не по-детски. Леший тебе то же самое скажет. Жадность, Док, до добра не доводит. Манчестеру, кстати, не проговорись, а то он, бедный, ночами спать не будет. Его ЖАБА вздёрнется и придёт к тебе. – Арман засмеялся от всей души.

Глава 2

Часовой на вышке клевал носом. Все движения за забором давно прекратились. Приближалось время мёртвого часа. Самое хорошее время для действий диверсантов.

Мы уже третий час валялись на пузе в мокрой траве, облазили в радиусе ста метров все удобные деревья, наблюдая за стабом бывших зеков. В идеале, надо хотя бы сутки понаблюдать, но у нас и так времени в обрез. Точнее, его просто не было вообще.

В стабе было спокойно. Особых волнений и изменений в связи с пропажей команды не происходило. Скорее всего, всё «веселье» у них начнётся с утра.

Интересное место, однако. Деревья вырубили только на расстоянии двадцати метров от забора, а в некоторых местах – и того меньше. Минных полей нет. Секреток нет. Ежей на дороге нет. И даже егозу поленились по земле пустить. Я никогда не был в местах лишения свободы, но, если судить по фильмам, то эти люди, будучи уже на свободе, воссоздали себе дом наподобие зоны. Они выстроили трёхметровый забор, обтянув верх колючкой в один ряд. По углам и около ворот поставили деревянные вышки, как на зоне из триллеров, только хуже качеством. Во дворе понастроили бараков, целых двенадцать штук. Корпуса, блоки – я не знаю точно, как называются здесь эти строения. Пусть будут бараки.

Кир насчитал тридцать четыре тепловых пятна. Я определил, где размещены пленные. Это было несложно. Вокруг лес на несколько километров, кроме этого стаба и нас источников эмоций больше не было. К тому же, многие спали. Это сильно упрощало сканирование. Пленных было семь человек в одном бараке, трое в другом и одна в третьем. Да, одна, я не оговорился. Те трое тоже были особами женского пола, и их насиловали. Эмоции этих жертв – самые сильные и самые страшные на данный момент.

Всегда крайне негативно относился к насильникам, особенно меня бесили новости о похождениях педофилов.

Не так давно я устроил из-за Рыси драку в «Баракуде». Несмотря на то, что ей пятнадцать, после стрижки она вообще стала выглядеть на двенадцать-тринадцать лет. И когда бородатый хмырь стал пялиться масляными глазами на этого ребёнка, пуская слюни, я просто сломал стул об его голову. Потом мне объяснили, что в Стиксе с людьми происходит очень интересная вещь. В общем, если человек дерьмо, то тут он становится ещё большим дерьмом. Если есть какие-то потаённые извращения – они обязательно вылезают наружу. К тому же, у многих повышается либидо. Так что, в Улье любителей малолеток – пруд пруди, и на всех стульев точно не хватит. А за девчонкой нужен глаз да глаз. Или хотя бы завалящий рыцарь… при ней…

– Как думаешь, пора уже? – шёпотом спросил я Кира. – Глянь, эти двое уже сложились баиньки. Охрана, мать ва-

шу, – усмехнулся, чертыхаясь.

– Десять минут, и можно работать. Главное – не спеши. Всё запомнил?

– Да. Справлюсь.

Вышли мы в паре с Валдаем. Я с лёгкостью проходил сквозь любые стены и мог становиться почти невидимым. А мой напарник и так являлся полноценным призраком.

Крупные, яркие звёзды хорошо освещали всё свободное от деревьев пространство. Дорожка приминающейся травы поползла в сторону забора, фиксируя наше перемещение.

– Чисто, – сообщил Валдай с той стороны ограждения.

Я просочился на внутреннюю сторону следом.

Никакого уличного освещения, даже тусклой лампочки. Если бы не яркие звёзды, то хоть глаз выколи. Тёмные бараки, больше похожие на сараи, какие-то ящики, бочки. Между постройками довольно узкое пространство, шириной метра два, иногда – три. Это хорошо. Это нам на руку. А вот что-то вроде площади. Видимо, это центр разбойного гадюшника. Отсюда хорошо просматриваются ворота и накатанная дорога, ведущая к стоянке машин.

Валдай метнулся в ту сторону. Я прижался к стене, сливаясь с чернотой. В окне барака напротив виднелся тусклый свет свечи.

Войдя в режим призрака, пересёк площадь и пристроился под окном. Включил дар сенса.

В помещении было три человека. Женский поток, ежесе-

кундно меняющий ненависть на страх, боль, отчаянье, брезгливость, желание смерти, страх смерти, желание убить, страх боли и так далее. И два мужских художества. У одного: уверенность в себе, превосходство, брезгливость, немного мутного страха, раздражение. У второго: ненависть, алчность, страх смерти, жажда убийства и унижения жертвы, жажда власти.

Я прислушался. Слышимость плохая, но понять, что там идёт спор, можно.

Рядом проявился Валдай.

– Гараж, походу, единственный. В нём «Ягуар» и «Порш» – усмехнулся он, – остальные вон там все стоят. Больше машин нигде нет. Чего завис?

– Там спорят о чём-то. Надо глянуть, кто и о чём. И ещё там девка. Тоже не спит.

– Ща гляну.

– Сам хочу.

– Подожди-ка.

Валдай исчез на мгновение.

– Сюда, – указал мне на дальний угол. – Там хрень какая-то стоит, типа ширмы, и шмотки висят на стене. Ты, это, Док, внимательней с этими шмотками. Останется кусок на тебе – при выходе из режима мало не покажется.

Я кивнул, показывая, что понял его, и, став прозрачным, шагнул в стену.

Оказавшись в помещении за ширмой, сразу проверил,

не соприкасаюсь ли с каким-то посторонним предметом, и только потом вернул плотность своему телу.

– Слушай, Хорёк! Ты реально меня достал. Отправлю утром Меченого с пацанами. Они разберутся, тогда и будем кипишовать. А сейчас, иди спи, дай отдохнуть по-человечески. Глянь вон, Анютка заскучала, – раздался женский жалобный писк.

– Ты не понимаешь, Академик! Не надо было вообще этих матёрых трогать. Хана нам будет. Чуйка у меня.

– Да завались ты со своей чуйкой! – рявкнул главарь.

– Академик, ну, послушай! Сваливать нам надо и прямо сейчас. Утром поздно будет! Ты ещё свежак совсем, многое на знаешь. Это не Земля, тут… – послышался звук отодвигающегося стула.

– Ты, попутал берега, Шнырь! – прогрохотало на всю комнату, словно раскат грома. – Не зарывайся! Знай своё место! Всосал?!

– Всё путём, Академик! Как скажешь! Утром, так утром, – тон голоса стал напуганным, срывающимся на визг.

Жаль, лиц не видно. Дырочка очень маленькая, через которую я смотрел, и ракурс жутко неудачный.

Человек с чуйкой торопливо покинул комнату.

Раздался звук наливаемой жидкости. Выпил, поставил посудину на стол.

– Сюда подошла! – приказал Академик с нажимом.

Девушка заскулила тоненько, протяжно, на одной ноте.

– Не надо… Пожалуйста… – пропищала она дрожащим, жалобным голоском.

– Плётку в зубы, и к ноге! Бегом! Кому сказал!

Скуление сменилось подвыванием, и я увидел проползающую на четвереньках, голую девушку с рядом синих и красных полос по всему телу. Она передвигалась на подламывающихся руках, крупно дрожа, рыдая и глухо подвывая, зажав в зубах чёрную плеть.

Ком подкатил к горлу, душу будто сжали огромной когтистой лапой элитника, дыхание застряло глыбой льда, разрывая лёгкие. Я посмотрел на Валдая. Тот молча кивнул.

Три шага… Я сделал три широких, стремительных шага, и лезвие моего ножа вошло по самую рукоять в обрюзглое тело далеко не молодого человека. Отпустив нож, я постарался отвернуться и отскочить как можно дальше.

Успел заметить лишь выпученные, удивлённые глаза, когда раздался глухой хлопок с хрустом. Если резко сжать пластиковый стакан и прибавить к этому звуку глухой «Бум!», то будет очень похоже. Дырка в грудине садиста получилась сквозная, диаметром сантиметров девять. Запахло порохом.

Полностью уберечься от брызг мне не удалось, но хоть на лицо не попало, и на том спасибо. Труп продолжал стоять с перекошенной рожей, моргая глазами, беззвучно открывая и закрывая рот, как рыба, ещё какое-то время. Потом всё же свалился на пол.

– Ни звука! – приказал я шокированной девушке, которая

так и продолжала стоять на карачках, с плетью в зубах, таращась то на меня, то на труп мура.

Я присел на корточки, аккуратно изъял у жертвы предмет пыток, прикрыл ей рот, который она самостоятельно так и не закрыла.

– Тебя Аня зовут?

Та в ответ кивнула, всё так же таращась на дырку в теле Академика.

Поставив её на ноги, отвёл к кровати, посадил, напоил живчиком. Увидев, что её взгляд стал более осмысленным, сказал:

– Аня, теперь слушай меня внимательно, – взял её за подбородок, развернул голову в свою сторону так, чтобы она смотрела мне прямо в глаза. – Ты меня понимаешь?

Та вновь кивнула.

– Сейчас ты сидишь тут, как мышка. Поняла? Вот хоть с кровати не вставай, так и сиди, и считай до… – я задумался. – до тысячи. Сиди и считай. Поняла?

– Не бросай меня тут, – тоненько пропищала девушка на гране плача. – Они меня убьют.

– Сиди тихо. Я скоро вернусь и заберу тебя, – уговаривая, сказал я, уже потеряв плотность и исчезая в стене.

Девушка смотрела мне в след, до крови кусая кулак. Постояв с минуту, я всё же решил перестраховаться и обратно заглянул в комнату. Девушка сидела на кровати, поджав к груди ноги, обхватила их руками и считала, глядя на труп.

– Восемь, девять, десять…

Выдохнув с облегчением, я вынырнул на улицу.

– Нам туда, – указал Валдай на сарай с воротами. Не выходя из режима, я побежал к цели, придерживая одной рукой тяжёлый рюкзак.

– Вот же клоуны! Притащили хлам бесполезный, зато понтов-то сколько! Наверно, и золотом с брюликами обвешиваются с ног до головы, – смеялся Валдай, пока я устанавливал растяжки на машинах и дверях деревянного гаража.

Закончив с этими «подарками», побежал ставить такие же сюрпризы на стоянку. Ещё несколько растяжек поставил в проходах между бараками. В наиболее ожидаемых местах скопления установил С-4 с дистанционным управлением. Валдай подсказывал, что и как делать, и следил за обстановкой. Дойдя до барака, где ранее засёк трёх девушек, я притормозил.

– Валдай, там девки, пленные. Их бы вытащить, пока шумиха не началась.

– Так, а чё у нас осталось-то? Только вон там парочку и тут?

– Ну, да.

– А если они шумнут?

– Я только гляну. Если смогу вывести по-тихому, то выведу. Нет, ну, на нет и суда нет.

– Ладно, давай глянем.

В этом помещении, в отличие от предыдущего, бардак

был ужасный. Тяжёлая вонь от давно немытых тел, перегар, кислятина и ещё не понять что. В полумраке было сложно разобрать, где кто.

Включил дар сенса. По нему и нашёл прикованных к спинкам кроватей, еле живых двух девушек. Третья была уже мертва, на ней кто-то храпел.

Нет, эти точно бегать не смогут. Досадно. Я вышел на улицу.

– Мы слишком долго чухаемся. Шевелись, Док. Уже десять минут прошло.

Я молча кивнул и приступил к минированию.

* * *

– Восемьсот девяносто один, восемьсот девяносто два, восемьсот девя… ОЙ! – вздрогнула всем телом Аня, увидев, как я материализуюсь, чуть отступив от стены, в которую не так давно выходил.

– Молодец, Анюта. Шмотки твои где? – спросил я, шаря уже глазами в поисках хоть чего-нибудь из одежды.

Девушка, соскочив с кровати, кинулась к ширме, ухватила со стены первую попавшуюся куртку и, накинув на тело, сказала:

– Готова!

– Ну, тогда пошли, – я направился к входным дверям. Девушка осталась стоять на месте.

– А разве мы не туда?

– Куда туда? – удивился я.

– Ну, в стенку.

Мне стало смешно. Это было сказано с таким видом, что я не смог сдержать улыбки.

– Успеем и в стенку. Пойдём скорей.

Валдай страховал на улице всё то время, пока я забирал девушку. Бежать с ней на прямую было опасно. Слишком шумно и заметно. Пришлось двигаться перебежками от стены к стене. Главное, не нарваться на свои же растяжки.

– Вот тебе и стенка, Анюта. Сейчас я тебя возьму на руки, а ты прижмись ко мне всем, чем только сможешь. И, главное – голову от моего плеча не отрывай пока я не разрешу. Поняла?

– Да. Ой, там человек!

На пороге барака стоял силуэт.

– Прижмись! – скомандовал я, хватая под зад девушку и сажая её на себя, как на коня, только спереди. Задействовав все оставшиеся силы, молясь, чтобы хватило на двоих, хоть на две секунды, я бросился в стену. Если бы я успел глотнуть живчика, то было бы не так тяжело. Но не успел…

Очнулся я оттого, что кто-то меня тащит. Сквозь закрытые веки мерцали всполохи и доносился шум боя. Взрывы гремели один за другим. Я попытался сказать, что пришёл в сознание, но разлепив ссохшиеся губы, лишь промычал.

– Ой! Живой! – пропищал знакомый голосок. – Слава Богу! А я так испугалась, когда мы упали…

– Пи-и-ить, – потянулся я за флягой на поясе, но был не в силах её снять.

Анюта приподняла меня, облокотив на себе на колени, и принялась поить живчиком, продолжая болтать:

– А потом, как начали стрелять! Мамочки, как я напугалась! Я-то думала, это в нас. Тот тип-то, стрелял, я увидела, когда в стенку ты прыгнул, а потом из леса стрелять стали. И вдруг всё как стало бабахать, кричать. Там так сильно кричали, что я не выдержала и решила в лесу спрятаться. Тебя трепала, трепала, а ты как мёртвый. Тебя ранили?

– Чего же ты меня не бросила, если думала, что я мёртв?

– Не знаю… Ты же меня не бросил.

Я усмехнулся – нет, женскую логику человеку не понять, это точно.

В руках Анюты я быстро пришёл в себя, уколовшись спеком и выпив полфляги живчика. Арман к нам подбежал, когда фейерверк подходил к кульминации. С той стороны уже никто не огрызался, всё только радостно потрескивало и полыхало языками пламя.

– Свои! – раздалось из глубины леса. – Не пальните!

Нам с Анютой до этого леса ползти было ещё метров пять. Хорошо, что трава высокая, иначе бы как на ладони на виду у всех валялись.

Девушка вздрогнула всем телом.

– Не бойся, это мои друзья. Тебя никто не обидит, – попытался я её успокоить.

– Куда ранили? – голос был беспокойный и стремительно приближающийся.

– Да цел я! Цел. Откат просто поймал. – Я привстал, приветствуя друга. – Что, отстрелялись уже что ли? Быстро вы управились.

– О! Привет, красавица! Ты это где нашего обморочного подобрать успела? – подойдя, завалился на пятую точку рядышком в траве. – А чего тут телячиться-то с ними? Закидали гранатами с машинок, и весь сказ. Наши пошли зачистку делать и с лазарета пленных вытаскивать, а я к тебе рванул. Я ж снял этого пи… ра, но немного не успел, он всё же разок пальнул. Вот мы и подумали, что тебя подбили. А ты – молодец, – обратился он к Анюте, – боевая, – усмехнулся Арман.

* * *

Зачистку провели при помощи Кира и его тепловизора. Живых, но не совсем целых нашлось девять, людьми этих тварей назвать – кощунство. Тех, кто попытался сопротивляться, пристрелили на месте, остальных связали и заперли в клетке, в которой те держали пленных. После того, как я своими глазами увидел разделочное помещение и людей, находившихся там, во мне умерли последние сомнения в том, что я слишком жестоко убил этих… нелюдей. Мутанты го-

раздо человечнее бывалых зеков, это точно.

Еле живых девушек перенесли в один более или менее уцелевший барак, предварительно выкинув оттуда трупы. Остальных бывших пленных перенесли туда же. Только троих трогать побоялись. Они оказались совсем плохи, и любое движение могло привести к смерти.

Все люди были в крайне плачевном состоянии. Своими ногами при поддержке одного из наших бойцов смог пройти только один мужчина. Он рыдал от счастья, не переставая нас благодарить. От злости и ненависти к этим подонкам, я буквально бурлил желанием расчленить оставшихся в живых муров голыми руками без наркоза.

Посмотрев на одного из них, я увидел, как мои руки входят в его грудину, захватывая и разрывая надвое трепыхающееся сердце. Я чувствую, как мои пальцы погружаются в мягкую, податливую плоть. Как на губы брызнули тёплые капли, пахнущие ржавым железом; облизнув брызги жизни, ощутил сладость солоноватой крови. В правую ладонь отдавало пульсацией… одуряющий запах смерти… я с наслаждением сжал кулак, пропуская сквозь пальцы раздавленную плоть сердца. – О-ох… – выдохнул я с облегчением. Как хорошо… – втянув носом запах крови, я посмотрел на свою руку. Липкая, ещё тёплая субстанция не вызывала омерзения или брезгливости. Напротив, она будто завораживала своим цветом…

– Драть тебя конём, Док! Ты какого хрена творишь?!

Окрик, подобно хлысту, выбил меня из странного состояния, и я в ужасе понял, что всё это вовсе не привиделось.

– Ну ты и придурок. – Арман посмотрел сначала на тело, потом на меня и, плюнув в сторону, добавил. – Останутся после допроса живые – делай с ними что хочешь, а пока не тронь. Пойдём, там мужики прикол нашли.

Студент постучал носком ботинка в деревянную стену уличного туалета.

– Выходи, мы тебя нашли, – сказал он шутливым тоном. Ответом ему было абсолютное молчание. Студент, громко вздохнув, хитро посмотрел на Кира. Кир кивнул. – Живой.

– Ну, раз ты там сдох, тогда я кину эфку, чтоб уже наверняка, – поднял с земли подходящий по размеру кусок строительного мусора и, приоткрыв дверь, закинул внутрь.

Раздалось характерное «Бульк!», и тут же, внизу, кто-то очень активно забарахтался и истошно завизжал. Все собравшиеся заржали, аки кони.

– Вылазь, говноед! – смеясь крикнул Арман. – Обещаю, бить не будем!

– Я сейчас настоящую гранату закину. Не вынуждай, – добавил Студент.

В туалете заскреблось, забулькало, закряхтело. Хлипкое строение зашаталось и… на свет вылезло оно!

– Клешни в гору! – рявкнул Арман.

Чавкая при каждом шаге, тошнотворно воняя, вышло тело. Сгорбившись, вжав голову в плечи, оно, поскуливая, при-

село на землю, прикрыв голову руками.

Кир передёрнулся всем телом, при этом брезгливо сморщив нос и слегка побледнев. Прикрыв платком нос и рот, он приказал:

– Назовись!

– Хорёк. Убейте сразу, пожалуйста. Я расскажу всё, что хотите, только не пытайте, умоляю-ю-ю-у-у-у-у!

– Харе выть, паскуда! – прикрикнул Арман. – Пнул бы тебя, да пачкаться не хочу. Фу, бля! – Брезгливо плюнул себе под ноги.

– Кажется, это тот самый Хорёк, который Академику про чуйку кричал, – вспомнил я ночной разговор. – Он главаря свежаком назвал, я тогда ещё удивился. Хорошо, что ты выжил, Хорёк. Вот как раз нам всё обо всём подробно и расскажешь.

– Да, да, да! Я всё расскажу. Только не надо пыток, умоляю! – затрясся он, кивая головой так, что во все стороны полетели брызги. – Кир, скривившись, поспешно сделал несколько шагов назад.

– Облейте это чмо водой, пока меня не стошнило, – попросил он, глядя с омерзением на пропитанного фекалиями мура. – Я бы лучше застрелился, чем вот так.

– Вставай, говноед, веди давай, показывай, где у вас тут вода? – громко скомандовал Арман, направляя на мура дуло автомата.

Только начинало светать. От утреннего холода не спасали

даже пылающие местами бараки. Масштабного пожара, как такового, не было. Повезло, что накануне в этом районе прошёл ливень, и древесина, напитавшая в себя влагу, гореть не спешила.

Хорёк сидел на земле, прислонившись спиной к стене бани. Мокрый, словно крыса, крупно дрожал, лязгая зубами.

– Ну, рассказывай, сучий потрох, кто на нашу группу вашего Академика навёл и почему ты его свежаком назвал. Только не торопись, детально всё с самого начала. А мы попутно ещё будем задавать вопросы. И если нам твоя повесть понравится, то пристрелим, как собаку – аккуратно и без пыток, обещаю. – Кир говорил с муром, держась на почтительном расстоянии. Того хоть и облили раз пять водой из ведра, но вонь так и осталась.

Мур жалобно уставился на флягу Армана не прекращая дрожать.

– На, падла, а то сдохнешь раньше времени от разрыва сердца, – протянул Арман муру свою флягу. Тот, отпив несколько глотков, попытался вернуть её владельцу. – Себе оставь. Я с неё уже пить не стану, – сказал брезгливо.

Немного успокоившись после принятого зелья, мур решил поторговаться:

– Я вам могу рассказать очень важную информацию, касающуюся вашего Парадиза и его правителей, если вы меня отпустите живым, – подумав немного, добавил, – и целым.

– А если без «если»? – спросил я, слегка склонив голову

набок и буравя его взглядом презрения.

Хорёк побледнел, словно покойник, скукожился и вжался весь в стену, насколько это было возможно, и, судорожно сглотнув, выпалил на грани визга:

– Вас сдал Прапор!

Глава 3

Я сидел на ступеньках весь в крови, баюкая укушенную руку, и смотрел на двух одинаковых призраков, с разными по цвету волосами, которые обнимали третьего призрака – рыжеволосую девочку, гладя её по голове. Призраки исчезли, не сказав мне ни слова. Я остался наедине со своими мыслями.

Странные изменения в моём организме, дающие не менее странные, необъяснимые ощущения, заставили задуматься: а человек ли я теперь?

Мутант… однозначно. Я – мутант, и все мы тут мутанты и симбионты.

Я посмотрел на свои окровавленные руки. Втянул носом запах ржавого железа.

– Вторая положительная, – определил слёту, без всяких реагентов, – с примесью ещё чего-то, тонкого, еле уловимого, знакомого такого… не могу вспомнить.

Нет, такой эйфории кровь уже не вызывала, но, возможно, потому что сейчас я спокоен. Злости нет, ненависти тоже. Досада, разочарование, боль, – это да, но, видимо, это не те эмоции, которые нужны для боевого транса. Именно так тогда объяснил Арман мой поступок. Мура не жалко, главное, чтобы это не происходило бесконтрольно. Приеду в Парадиз, обязательно переговорю с Батоном и Лешим. И вооб-

ще, чего это я расселся? Нашёл время…

Я поднялся и пошёл ко входным дверям.

Арман стоял у калитки. Увидев меня, ничего не сказал, только понимающе кивнул и направился к машине.

Мы опоздали всего на полсуток, но оно и к лучшему. Видеть Васятку нормальным ребёнком, а потом наблюдать, как она обращается в чудовище было бы ещё хуже. С другой стороны, будь она иммунной, то наше опоздание, скорее всего, стоило бы ей жизни. Но, что сделано, того не вернуть. Я даже немного рад, что она обратилась. Значит, в следующую загрузку я буду ждать свою дочь с жемчужиной наготове. Теперь же, пора домой… мы все устали. Рейд выдался тяжёлым, и он ещё не окончен.

Раздались одиночные выстрелы АКМа Фомы, к нему присоединился АКМ Студента.

– Валим отсюда, валим… – пробурчал Фома, выцеливая особо прыткого бегуна, который нёсся семимильными шагами, перепрыгивая через трупы товарищей, к нашей машине. На улице стало появляться всё больше и больше свежеиспечённых зомби. Мы выехали на другую, более тихую улицу. Кир не переставал сканировать, исполняя роль штурмана. Их машина шла первой, я тоже включал свой радар пульсацией, иначе бы меня захлестнуло, а так я напоминал сам себе летучую мышь. Существо с ультразвуковым радаром, с импульсами звука. Моей целью являлось обнаружение матёрых, которые не заставили себя долго ждать.

– На три часа! Двести метров! – гаркнул я в рацию.

Головная машина повернула влево на первом же перекрёстке. Мы удалялись. Минут пять ехали без приключений.

– На час! Сто метров!.. На десять! Шестьдесят метров! На восемь! Сорок метров! Кир! Кажется, нас загоняют в капкан!

– Готовь пукалки! Пойдём на прорыв! – рявкнул в гарнитуру Кир.

Арман метнулся к люку с трубой.

– Эх, Филина не хватает! – сетовал он, закрепляя себя ремнём и накачивая ручку гранатомёта.

АГСы установили на крышах наших машин, рядом с пулемётами. На «Комбате» пулемётная установка была, и с крепежом под АГС-40 мудрить ничего не пришлось. На то она и военная машина – всё предусмотрено. Чего нельзя сказать о моём «Патриоте». Но не будь Кир Киром, если бы он не придумал, как это сделать. В люке «Патриота» показалась голова Студента. И тут же вылезла голова Фомы. Теперь я понял, зачем ребята потратили целый час на распиливание и переделку крыши. Да, вдвоём, куда зубастее получается огрызаться. Вот тебе и ещё одна причина, почему в рейд на машинах обычно тройками ходят. Туго Арману придётся.

– На девять и десять – сорок метров! На час и три – пятьдесят и тридцать метров. На двенадцать часов – двести метров, Высший!

– Рвём вправо! – гаркнул Кир, и дымя покрышками, рванул в поворот.

Заработали М-84 и АГС-40 на «Патриоте». Арман начал поливать из пулемёта, бил бронебойными. По дороге на нас неслись два матёрых кусача. Слева я уловил боковым зрением приближающийся столб пыли. Это сквозь постройки частного сектора ломился рубер, круша всё на своём пути.

– Рубер на два часа! – заорал я в гарнитуру.

Этот автоматический гранатомёт стреляет ГПД-30 – тридцатимиллиметровой осколочно-фугасной гранатой повышенной эффективности. Радиус поражения от семи до шестнадцати метров. Установка позволяет стрелять не только по прямой, но и навесом. Чем Арман незамедлительно и воспользовался, закидав рубера гостинцами, упреждая его траекторию движения. Такой град не понравился ни кусачам, ни руберу. Мы пронеслись, объезжая трепыхающиеся тела, заляпывая машины кровью.

Включив скан, я уловил движение Высшего. Он был раздосадован, зол и удивлён.

– Высший движется параллельно нам. Двести метров, плюс минус десять.

– Принял! Ему тут тесно, хочет на пространство выгнать. Давай назад, к застройкам! – скомандовал Кир, поворачивая вправо.

– Засел на час, перекрёсток! – заорал я, моргнув сканером и обнаружив засаду почти у самого нашего носа. Указанный участок тут же обстреляли. Проезжая мимо, мельком увидел валяющуюся тушу кусача.

– Ох, сколько хабара пропадает… – промелькнуло у меня в голове.

Глянул в боковое зеркало и обомлел. За нами неслось нечто! Раскидывая панельные дома, словно детский конструктор, мутант рокотал, созывая свою армию. Огромный! Метров семь в высоту и около десяти в длину, весь сплошь покрыт шипастой бронёй. Он был разъярён на своих слуг, на то, что они не смогли выполнить одно простейшие дело: загнать добычу повелителю. Нет, он нёсся не за нами, он убивал провинившихся, размахивая когтистой лапой и снося одним ударом головы матёрым мутантам. Бил кулаками о землю и разбивал постройки. Разделавшись с подопечными, он с рёвом поднялся на задние лапы и, с грохотом опустившись обратно, пророкотал нам вслед:

– МЯ-Я-Я-СО-О-О-О!

– Вот теперь он, точно, несётся за нами! – подумал я, выдавливая из движка машины всё, что можно. Стрелять в него было бессмысленно. Расстояние между нами сокращалось с каждой минутой.

– Мужики! Рад был нашей дружбе! Вы для меня как семья! Простите, что так вышло!

– Рано, Док! Ра-а-а-но! Ещё немного! Гони! Гони давай! – ответил Кир сходу.

Я петлял за ним на пределе своих возможностей. Вдруг свет померк, и вопли стали глуше! Я даже не сразу сообразил, что мы влетели в тоннель!

Кир вёл машину уверенно.

Раздался мощный удар, и басовитый рык пророкотал:

– М-МЯ-Я-Я-Я-СО-О-О-О-О!

– ХРЕН ТЕБЕ, А НЕ МЯСО! – крикнул я в ответ в сердцах.

– ВЕ-Е-Е-Е-Р-НИ-И-И-ИСЬ!

– Ага, щас! Бегу уже, – сказал я уже более спокойно, сосредоточено наблюдая за задним усилением «Патриота». Правый глаз начал немного дёргаться. Я судорожно выдохнул.

* * *

Оторвавшись от старого элитника, мы, не останавливаясь, неслись в сторону лесного стаба муров, который не так давно разгромили. Там нас дожидались измождённые люди под присмотром Анюты.

Оставив ей и Семёнычу ценные указания по уходу за больными и вручив по автомату, предварительно показав, как этой штукой, как выразилась Аня, пользоваться, мы уехали за Василисой.

Все девушки и тот самый мужик, который всё слёзно нас благодарил за спасение, оказались свежаками из одного кластера, прилетевшими два дня назад. Из моего родного города. Вот такое интересное совпадение. Стаб муров находился в трёх часах езды от моего кластера, и они частенько шер-

стили город на предмет иммунных и прочей поживы. Паслись, в общем, там основательно.

Кир коротко объяснил свежакам, где они оказались и что от них требуется. Слушали молча, не задав ни единого вопроса. Такая реакция бывает в двух случаях: не поверили или в шоке. Если учесть, через что они прошли, то скорее всего – шок. Но нянчиться с ними времени не было, мы и так безбожно опаздывали, а если ещё что-то и в дороге случится, то, вообще – полный крах цели этого рейда.

Вернулись мы в Зону на третьи сутки, к ночи.

Соседний лесной кластер только перезагрузился, и мы снова стали свидетелями фирменного заката Улья. Солнце, коснувшись горизонта, стало кроваво-красным и очень быстро потемнело до чёрного. После чего оно взорвалось, разбрызгивая кляксы по всему небу. Зрелище очень завораживающее и впечатляющее, особенно когда видишь такое впервые.

Говорят, что такой закат чаще всего вблизи от Пекла и в первый вечер в новом кластере. Ещё от магнитных импульсов что-то там зависит, слышал от Кира. Меня это неоднократно наводило на мысли об искусственном происхождении Улья.

На вышке сидел Семёныч и крутил головой, как сова, во все стороны, исправно неся службу часового.

– О как мужика проняло, ты глянь! – усмехнулся Арман, глядя на вышку. – Молодец.

Впереди идущий «Патриот» притормозил, не подъезжая к воротам, на изрядном расстоянии. В люк высунулся Студент и помахал издалека Семёнычу рукой. Тот, подслеповато щурясь, всматривался в наши машины около минуты.

Звёзды в Стиксе очень крупные и всегда светят достаточно ярко, если, конечно, нет облачности. Разглядев, кто приехал, мужик активно замахал руками и кинулся вниз по лестнице отпирать ворота.

– Слава Богу, вы вернулись! – встречал нас Семёныч, светясь от счастья не хуже звезды. – У нас тут всё тихо было. Я постоянно на вышке сижу. Гляжу.

– Да ты бы так не надрывался, Семёныч. Тут места, в принципе, тихие, а ты без смены быстро загнёшься. – Кир был доволен отношением свежака к безопасности.

– Не, Анюта меня сменяет, даёт поспать часок-другой. Поесть приносит регулярно. Так что, всё в порядке. Справляемся. Мужики, вон, оклемались уже почти. Ещё дня два, и на смену бы встали. Двое точно. Они мне тут таких страстей понарассказывали… – мужчина протяжно вздохнул, – попали мы, в общем, да?

– Да, есть немного, – улыбнулся Кир, – но ты не расстраивайся сильно. Тебе уже дважды повезло, так что, возможно, всё наладится. Нет, как прежде не будет, врать не стану, но жить тут вполне можно. Мы же живём. – Дружески похлопал хмурого собеседника по плечу.

– Ладно, вы отдыхайте. Схожу Анюту позову, она вас на-

кормит по-человечески. Готовит изумительно просто. Она целый склад продуктов нашла, там чего только нету. Вон, в том доме прибрались, так что там и поужинать можно, и поспать. А я на вышку вернусь, а то знаете, как бывает… уйдёшь на минутку, а тут, как раз в эту минутку и припрётся кто-то. Пойду я, короче. – Сделал пару шагов, остановился. – И, это, – сказал он, разворачиваясь, – спасибо. Спасибо, что вернулись за нами. – Окинул всех благодарным взглядом и быстро зашагал в сторону барака, в котором мы оставляли изрезанных мурами людей.

Анюта явилась с подружкой, и они в четыре руки очень быстро накрыли на стол, не забыв и про «успокоительное» после напряжённого рейда.

Плотно поев и опустошив первую бутылку в полной тишине, вторую начали уже не спеша, с расстановкой. Нервное напряжение спало и чувства от ощущения так близко, но мимо прошедшей смерти притупились.

– Этот идиот перебил всех своих мелких, так хоть они бы за нами в тоннеле побегали. Вот идиот, – смеялся Фома, держа подрагивающей рукой стопарь с водкой.

– Нечего. Боеприпас экономить надо, – улыбнулся Кир, поднимая рюмку. – Ну, что, мужики! За ещё одну днюху?!

Все чокнулись стопарями и выпили.

– Ху! Хороша! – Арман потянул в рот солёный огурец, – я думал, если выживу, обратно белый, как лунь, ходить буду полгода. Ан, нет, обошлось. Видать, не настолько страшен

мутозавр, как показалось.

– Это уже привычка, братишка. В тот раз ты просто впервые так перебздел, вот и поседел. А в следующий раз тебе уже и штаны даже менять не придётся! – Фома заржал, указывая на валяющиеся в углу шмотки.

– Да это я живчик разлил. Этот же Шумахер водить по-человечески не умеет! – возмутился Арман.

– Ага! – Взорвался новым хохотом Фома.

Остальные тоже посмеивались, но более скромно.

– Да ладно тебе, с кем не бывает. Вон, на Дока глянь. У него зенька дёргается до сих пор. Но хоть штаны сухие остались, молодца! – не унимался Фома.

– Фома, тебе когда-нибудь говорили, что ты своей смертью не помрёшь? – спросил шутника улыбающийся Кир.

– Говорили и даже неоднократно обещали зажарить, – оскалился хохотун, глядя на Армана, который самозабвенно хрустел огурцом, прикусывая его куском копчённого мяса.

– Ну, что, ещё по одной, и пойдём знакомится с девочками, – хитро прищурился Студент.

– Алинка тебе потом так «назнакомит», что отращивать придётся, – хохотнул Фома. – Иди-иди, я не скажу.

– Вот же ты урод, Фома. Кругом малину обгадить умудришься, – Студент шутя зашвырнул в Фому вилкой.

Тот ловко её поймал.

– Может, это моё призвание, чтобы вы не расслаблялись, – он аккуратно положил вилку на стол возле себя. – Жри вот

теперь руками, – довольно ухмыльнулся и, наколов демонстративно аппетитный кусок мяса, сунул себе в рот.

– И прибить иногда хочется, да жалко, – сокрушённо, но при этом с лёгкой усмешкой сказал Кир, разливая водку. – Правда, давайте ещё по одной, и пошли делами заниматься. Ещё поспать бы успеть.

Новое утро встретило нас не приветливо – головной болью и кучей навалившихся проблем в виде бывших муровских пленных.

– Нет, её нельзя так везти. Она может и овощем всю дорогу просидеть, а может и такой фортель выкинуть, что всю группу погубит. – Кир осматривал одну из двух девушек, которых вытащили чуть живыми из плена.

Нина быстро пришла в себя и уже на следующий день во всю помогала Анюте, которая, кажется, взяла на себя шефство над хозяйственной частью. А вот вторая девушка, имя которой никто не знал, так и сидела на одном месте со стеклянным взглядом. Она не говорила, не плакала. Ела, если вложить в руку ложку и сделать её кистью первое движение. Скажешь встать – встанет, сесть – сядет, и всё с таким же отрешённым стеклянным взглядом.

– На её глазах муж съел их ребёнка, а потом мы попали сюда, – сказала, вошедшая с тазиком окровавленных бинтов Нина. – Когда нас привезли и запихали в ту клетку… на столе лежал человек… сначала из него выпустили всю кровь, а потом… потом разрезали и стали вынимать все органы и

складывать в пластиковые контейнеры. Они даже его глаза вынули… мы всё видели. – Руки девушки заметно начали дрожать. Арман забрал у неё таз с бинтами.

– Ты зачем это сюда принесла?

– А? – Растерянно моргнула она ресницами – А это? – кивнула на таз, – это я туда несла, в яму, а сюда так просто зашла. Из-за неё. Чтобы вам рассказать, почему она такая.

– Ты знаешь её? – спросил Кир.

Девушка отрицательно мотнула головой.

– Пока эти… как их, мурки, везли нас в машине, она всю дорогу ревела и только об этом и говорила. А потом замолчала, когда того парня резать стали. И вот, с тех пор молчит и вот такая.

Я, Кир и Арман несколько минут молча смотрели на безымянную девушку. Нина тихонько присела на стул у входной двери, пристроив таз у себя на коленях, который обратно забрала у Армана.

– Давайте её свяжем, – предложил Арман.

– Нет, это не поможет, если она поймает очередного клина и начнёт горланить в самый неподходящий момент и биться головой о машину, – возразил Кир. – Док, тебя Батон усыплению учил?

– Учил. Но у меня только теория, практики не было.

– И что? Вот как раз и попрактикуешься на ней.

– Может, проще спеком? Уколем, и четыре-пять часов гарантированного спокойствия. Сколько нам ехать до Тихой,

часов семь? – предложил я, не имея ни малейшего желания практиковать не опробованное средство на людях. – Поймаем мура, вот на нём и потренируюсь потом.

– Можно и спеком, – потёр Кир подбородок, задумчиво продолжая смотреть на девушку. – Вот только свой не дам, у меня лайт. Скажу честно, на такое дело пускать лайт-спек – это преступление.

– Ээ… и у меня только лайт, – сказал я, вспомнив, что так и таскаю с собой шприцы Рыжего и Каштана.

– Арман? – Кир взглянул вопросительно на бойца.

– А что Арман? Я что, самый нищий, что ли? И у меня лайт. – Развёл он руками. – Думаю, что и у Студента с Фомой то же самое. Никто из наших не станет таскать обычный спек. Зачем, если есть возможность взять лучший, – пожал Арман плечами.

– А если у муров поискать? Мы же тогда явно не всё нашли, должны быть ещё нычки. Да и жемчуга нигде не видели. Точно пропустили схрон.

– Нина, лекарство жёлтое, в шприцах, которое мы вам оставляли, всё израсходовали?

– Да. Сегодня днём последнее закончилось. Но мы с Аней нашли ещё целую коробку таких же шприцев. И ещё там бусики были. Вы про жемчуг сказали, а я вспомнила. Они, бусики эти, на жемчужинки похожи очень, и тёплые.

Мы втроём уставились на Нину, словно удавы.

– Что? Что-то не так? Не надо было их трогать?

– Ниночка, и где эти бусики и шприцы с лекарством? – спросил вкрадчивым голосом Кир.

– У Анюты.

– Бегом Анюту сюда зови. – Кир вроде и тихо сказал, но деваху будто ветром сдуло, вместе с тазом.

– Ты слыхал, бусики они нашли, – хохотнул Арман.

Запыхавшаяся Анюта появилась на пороге барака спустя пару минут. За спиной у неё маячила испуганная Нина. В руках у Ани был пластиковый синий контейнер.

– Вот, Нина сказала, что вы спрашивали про эти вещи. Мы с ней нашли этот ящик, когда наводили порядок в комнате у этого, Академика. Там в щели на полу крови натекло и я, пока чистила, заметила, что одна доска немного двигается. Это оказался тайник.

Кир взял из рук девушки коробку, поставил на стул и открыл крышку. В ней лежало около пятидесяти шприцев со спеком и ещё три коробки, каждая размером чуть больше пачки сигарет. Анюта продолжала рассказывать:

– Достали, а там это. Мы с Ниной посмотрели, но ничего, кроме лекарства не трогали. Два шприца я сегодня днём брала, нам не хватило тех, которые вы оставили. Ребята сильно стонали, и я взяла из этой коробки, сделала им уколы. Там, кажется, драгоценные камни, алмазы, бриллианты, я плохо в них понимаю. Нина тоже не очень, но то, что они очень ценные, мы сразу поняли. А жемчужинки там, вот в этой коробочке, такие красивые и тёплые. Мы их в руках подержали и

на место положили. Странные они… будто живые.

Кир открыл протянутую коробочку. Россыпь из чёрного, красного и розового жемчуга завораживала. Жемчужин было четырнадцать штук. Две красные, четыре розовые и остальные чёрные. Кир крякнул, прикусив правый угол нижней губы. Во второй оказались спораны и горох, а в третьей – и вправду, драгоценные камни.

– Ну, девчонки, ну молодцы… – пробубнил он себе под нос. – Нина, а ну, позови-ка моих двух обормотов сюда.

Девушка тут же исчезла из поля зрения.

– Что тут у ва… ого! – встрял столбом на полушаге и на полуслове вошедший Фома, впившись взглядом в ящик.

– Ни… я себе! – выразился не менее удивлённый Студент. – Откуда дровишки?

– Девчатам спасибо, – кивнул Кир в сторону скромно стоящих у стенки девушек. – В общем, предлагаю выдать девочкам по жемчужине. У кого-нибудь имеются возражения?

Все ответили отрицательно. Возражений ни у кого не было. Тут и ёжику понятно, могли бы и не сказать о находке.

Второй вопрос: какого цвета?

Все переглянулись между собой.

– Я думаю, красные, – первым высказался Фома. – Я бы отдал им красные, Кир. – вопросительно посмотрел на меня.

– Согласен с Фомой, – кивнул я в ответ.

– Да, и я согласен. – кивнул Студент.

– Поддерживаю, – улыбнулся Арман.

– Значит, так тому и быть. – Сказал властным, официальным тоном Кир, поворачиваясь к девушкам, – Аня, Нина, за находку и честность властью данной мне стабом Парадиз, как один из основателей, я, Кир, награждаю каждую из вас красной жемчужиной.

Он взял одну из жемчужин и положил на ладонь удивлённой Анны, которая стояла, приоткрыв рот. Свинтил пробку со своей фляги и скомандовал:

– Клади её в рот и запей вот этим, – девушка без лишних вопросов исполнила приказ.

Нина сделала то же самое.

– Я поняла, что сейчас произошло что-то очень, очень важное, да? – спросила Аня спустя минуту. – А вы, Кир – принц? – смотрела она широко распахнутыми глазами на нашего командира в этом рейде.

Фома, не выдержав, прыснул смехом. Арман улыбнулся.

– Аня, ты читала сказку «Три короля»? Вот в нашем городе пять королей, и один из них сейчас стоит перед тобой, – пошутил Фома.

Но девушкам явно было не до шуток. Они всё приняли всерьёз и, произнеся своё любимое «Ой!», Анна сделала неумелый книксен перед Киром. Нина тут же повторила аналогичный поклон, зайдясь румянцем.

Кир стоял ошарашенный, с вытаращенными глазами, пялясь на девушек. Фома тем временем, тихонечко пробирался к выходу.

– Беги, Форест, беги! – шепнул краснеющий от сдерживаемого смеха Студент и, всё-таки, не выдержав, заржал. Плотину тут прорвало!

Девчонки стояли с ничего не понимающими, вытянутыми от удивления лицами. Фома нёсся во всю прыть, удирая от разъярённого Кира, а мы сползли на землю, держась за животы и жадно хватая воздух в перерывах между приступами смеха.

Девушкам потом долго объясняли кто такой Кир, но они всё равно смотрели на него с ноткой обожания и почитания рыцаря-короля, чьи воины освободили из плена дам.

Фома явился только к ночи, просочившись в двери, словно нашкодивший кот, таща в лапах бутылку коньяка. Поставил её на стол перед Киром, сам сел напротив и молча уставился на командира виноватым взглядом.

– Вот, как треснул бы сейчас тебя этой бутылкой по голове! – сказал с нажимом Кир, беря плоскую, полукруглую бутылку за горлышко. Поднёс ближе к глазам, прочёл название, хмыкнул и поставил обратно.

– Ты что, за ней в подвал коллекционера бегал?

– Не-а, тут нашёл, – довольно оскалился Фома.

Кир вздохнул, качая головой.

– Интересно, где они взяли «Двин» сорок пятого года?! Анастас Микоян придумал этот напиток для Советских полярников в 1938 году. Черчилль так пристрастился к нему, что выпивал по бутылке в день. Представляешь?! Однажды

Черчилль обнаружил, что его любимый армянский коньяк изменил былой вкус. Он немедленно написал о том самому Сталину, составив это заявление так, что в каждой строке сквозил упрёк. Было это, – Кир задумался. – в 1951 году, если мне не изменяет память. Заешь, что явилось причиной изменения вкуса? Сталин сослал в Сибирь ереванского технолога! Вот что! А после заявления английского премьер-министра Коба приказал вернуть на место этого технолога и наградить звездой Героя Социалистического труда! Фома, ты специально эту бутылку притащил? – Кир посмотрел с хитрым прищуром, чуть склонив голову набок. – Знаешь, падлюка, мою слабость, да? Ладно, прощён. Но пить будем уже дома. А сейчас – быстро все по койкам!

* * *

– Ты думаешь Седой справится с такой толпой?

– Куда он денется. Не за один день, конечно, но пока в больничке у Батона поваляются денёк-другой, под запретом посещения, если посетители найдутся, конечно, – Арман усмехнулся, – а там на допрос по одному вызовут. В первую очередь девчонкам надо подчистить мозг. Они самые болтливые, могут и с медперсоналом спеться, да сболтнуть лишнего. Да эту спящую принцессу в чувство привести нужно. Но с ней случай серьёзный, там сильно вмешаться придётся.

– Седой явно придёт в восторг от такого количества рабо-

ты, – я улыбнулся, представив его кислое выражение лица.

На улице было тепло и звёздно. Мы сидели с Арманом на ступеньках домика в деревне Тихая и, потягивая французский коньяк, курили настоящие кубинские сигары. Кир долго упирался открытию одной из бутылок, но под общим натиском сдался. Фома нарыл такого добра в муровских запасах аж целый ящик и ещё в разнобой коллекционного раритета, наподобие того «Двина», штук восемь. Найденные золотые и серебряные побрякушки почти все отдали Нине и Анне, оставив немного для Алины и Рыси, в подарок. У девушек чуть глаза на лоб не вылезли от такой щедрости. И даже, когда объяснили, что эти цацки в этом мире не стоят и гроша, а точнее – спорана, они не сильно расстроились, сказав, что о такой красотище даже во снах не мечтали, потому как обе из простых семей. Анна даже на радостях расцеловала счастливого Армана.

– Кажется, он положил на эту деваху глаз, – заметил тогда Студент. – Готовит она прилично, и характер нормальный, попробую-ка я её к Алинке в «Баракуду» пристроить. А с Ниной и этой спящей пусть уже сами думают, куда их.

– Нина шустрая и адаптировалась быстро, молодец. Эта и сама себе место найдёт, хотя, если помогут, глупо отказываться.

– Чего вы тут расселись? – вышел Кир. – Курите, падлы! – покачал он головой. – Ещё и сигары… – завистливо посмотрел и протяжно вздохнул.

– Ты в который раз уже курить бросаешь, – усмехнулся Арман.

– Да бросишь тут с вами! – отобрал у Армана сигару, затянулся, прикрыв глаза от наслаждения, выдохнул клубы дыма. – Вещь! – вернул сигару обратно. – Долго не засиживайтесь. Выходим на рассвете, – скомандовал и ушёл в дом.

Утро наступило как-то неожиданно и шумно. Такая толпа людей в одной комнате – это полный кошмар! Из десяти спасённых – двое тяжёлых, одна спящая. Двое передвигались с трудом и только с чьей-то помощью, ещё два рейдера уже вполне могли держать автомат в случае необходимости и передвигаться самостоятельно.

Семёныч очухался быстро. Ему повезло: откачали только кровь, поленились оперировать третье «мясо» в тот день, решив оставить на утро. Тем более, в стабе была такая развлекуха, как бабы. Меньше всех досталось Анюте. Она приглянулась Академику своей кукольной внешностью. Маленький рост, худая, пшеничные кучерявые волосы и большие голубые глаза с длинными ресницами. Мы даже с Фомой вчера заспорили насчёт её возраста, но в итоге обалдели оба. Я утверждал, что ей не больше семнадцати. Фома говорил, что девятнадцать.

– Анюта, – спросил Фома, подойдя к девушке, – мы тут с товарищем заспорили о твоём возрасте, и спор этот уже стал материальным, так что, будь добра, скажи пожалуйста, сколько тебе лет.

Девушка посмотрела на нас, как на двух идиотов:

– Двадцать четыре. И кто из вас выиграл спор? – улыбалась она, переводя взгляд с меня на Фому и обратно.

– Ммм-да, – проблеял я, почёсывая заросшую щёку.

А когда Арману рассказали, что этой малолетней пигалице, как он выразился, уже двадцать четыре года, глаза его подозрительно заблестели.

– Кажется, мы его теряем, – изрёк Кир, наблюдая, как Арман крутится вокруг Анны, предлагая ей свою помощь, спустя пятнадцать минут после известия.

Утренняя суета в такой толпе ввела меня в ленивое оцепенение. Я просто сидел на матрасе и смотрел на то, как мечутся остальные до тех пор, пока меня не выгнали с «ложа» святым пинком. Перекусили бутербродами с кофе, загрузили не-ходячих, выгребли весь мусор, утрамбовались в машины, аки сельдь в бочки, и отправились домой. До родного стаба оставалось меньше шести часов езды, настроение у всех – предвкушающее конец нервотрёпки и нервного напряжения.

Анна и Нина всю дорогу выносили мозг вопросами о Парадизе и Улье. Спасибо Арману за чудесную поездку. Увидев первый пост, я, как и все остальные мужики, выдохнули с величайшим облегчением. Анекдот про болтливую жену и мешок семечек, явно взят из жизни. Нет, этих двоих однозначно вместе оставлять нельзя. На пару они лупят болтовнёй хлеще, чем ЗУ-23 – свинцом.

– Привет, Прапор! Ты чего, обратно на передовой? – громко спросил Кир, остановившись у шлагбаума. – Аби с тобой?

– Здорово, – взмахнул он рукой, всех приветствуя. – С Лешим остался. Как съездили? – вопросительно глянул в мою сторону. Я отрицательно качнул головой. Прапор досадливо дёрнул щекой. – Ни чё, ещё не вечер, – кивнул он. – А это что за женский батальон у вас, – указал взглядом на притихших девушек.

– У нас сборная полов, – улыбнулся Кир. – десять пленных у муров отбили. Ты это, Батону звякни, пусть палаты готовит на десять человек. Двое совсем тяжёлые. И Седой пусть туда же подтянется, если не сильно занят.

– Не вопрос. Вечером состыкуемся, или отдыхать будете?

– Состыкуемся. Интересного много. Есть чего рассказать. Созвонимся.

– Давай. – Прапор махнул нам рукой, и шлагбаум пополз наверх.

Вот и родные стены показались. Как же я рад снова оказаться дома…

Глава 4

Холодный, неприятный, весенний Питерский ветер забирался, казалось, прямо в душу, и выдувал всё хорошее и доброе…

Люди торопились по только им самим известным делам, отворачивая лица от прохожих и шепча проклятья встречному, колючему ветру. Надо заметить, что проклятья эти были высококультурными, потому что люди-то были Питерскими…

Семен шёл по знакомой аллее парка… Он отчётливо вбивал каждый шаг в асфальтированную дорожку, и с улыбкой вспоминал, как не так уж и давно, по меркам Джинов, он шёл по этим же дорожкам, но тогда они были вымощены крепкой, добротной брусчаткой. Семен улыбался – он единственный, кто улыбался в парке в то утро. Он вспоминал…

Тот отпуск ему не забыть… Семен всегда проводил отпуск на Земле, в отличии от коллег. Он очень любил людей – неуклюжих, немощных, но таких похожих на них, Джинов.

Все друзья Семена смеялись над его увлечением, и убеждали его, что это вымирающий вид, который убивает себя сам. Семен отмахивался и с прежней силой верил в Людей. Он и ещё его арестованный и отбывающий наказание друг Прометей.

– Доиграешься, – говорили ему, – отправишься прямиком

за Прометеем. И будете сидеть оба и любить людей.

Друзья издевательски смеялись и неслись дальше…

Семен вспоминал, и картинки тех дней проплывали перед его глазами.

В тот раз он явился в образе гимназиста и подружился с прекрасными молодыми амбициозными людьми.

Какие великолепные розыгрыши придумывал Кюхельбекер для юного Пушкина… как они вместе хохотали…

Омрачало его любовь к людям только одно: люди думали о чём угодно, но только не о своём здоровье. Это больно задевало Семена и удивляло. Они просили денег и славы, и, о-о, ужас, смерти и недугов для других людей… и ещё тысячи нелепых и странных желаний, непонятных для Джина.

Они просили вечной жизни… Настойчиво, с какой-то маниакальной убеждённостью, что вечная жизнь принесёт им счастье. Несколько раз Семен, разозлившись, давал им их вечную жизнь, но… стыдно вспомнить, с небольшим бонусом: с такой же вечной, как и их новая жизнь, зубной болью.

Но, как бы там ни было, Семен продолжал верить в человечество. Он знал, что люди справятся со своими извечными заблуждениями, и в мире их навсегда поселятся любовь, процветание, здоровье, радость…

– Ээ-ээ, мужчина… Закурить не найдётся?

Семен, выдернутый из воспоминаний хриплым голосом, с удивлением уставился на обратившегося к нему человека:

– Это Вы мне? – спросил Джин, ткнув себя указательным

пальцем в грудь.

Человек утвердительно кивнул и… смущённо улыбнулся:

– Мне, право, неловко отвлекать вас подобными просьбами, но очень курить хочется. Простите, – на всякий случай извинился он.

Семен присмотрелся к человеку, и увиденное его очень огорчило. Слишком нелицеприятную картину представлял собою просящий: потрёпанная изрядно верхняя одежда, неумытый, небритый, со взъерошенными волосами. Вид человек имел, мягко говоря, непрезентабельный. И амбре, исходящее от него, не делало воздух приятным…

«И всё же это человек» – подумал Семен и, улыбнувшись, присел рядом с ним.

– Вы хотите курить? – продолжая приветливо улыбаться, спросил Семен. Порывшись в кармане, он извлёк из его недр пачку прекрасного табака и протянул человеку, – Пожалуйста, курите.

Человек странно посмотрел на протянутый табак и, взяв его, спросил:

– И что это за штуковина такая?

Семен понял, что промахнулся с табаком и сказал:

– А чего вы, собственно, ожидали?

– Ну-у-у, не знаю… – ответил тот и, окончательно обнаглев, закинув ногу за ногу, сказал, – Кент, допустим.

Семен, засмеявшись, щёлкнул пальцами и, тут же сделав серьёзный вид, произнёс:

– А я Вам что дал? Разве не то?

Человек посмотрел на свои руки и с удивлением обнаружил, что держит в них пачку сигарет Кент.

Стряхнув оцепенение, он вскрыл пачку и, достав сигарету, закурил:

– Дааaa… – снова протянул он. – Здоровье с утра ни к черту… Всё что-то мерещится… Надо что-то делать.

Они помолчали.

Семен с интересом рассматривал человека и находил его вполне недурным, с точки зрения внешних данных, представителем человечества. Человек, в свою очередь, смотрел на Джина и порывался что-то спросить.

Семен спешно поднялся и начал удалятся, бросив на прощание:

– Всего вам хорошего, – устремил взгляд свой вперёд.

– Извините, – услышал он.

Остановившись и улыбнувшись, он снова посмотрел на человека:

– Да? Чем я ещё могу Вам помочь?

Человек, видимо набравшись смелости, выпалил одним махом:

– Я вижу, что вы хороший человек и не сможете отказать страждущему… – мужчина запнулся.

– Ну, ну, – подбодрил его Семен.

– Мне бы здоровье поправить… понимаете?

Семен не поверил тому, что услышал. Глаза его загоре-

лись, и он одним прыжком оказался около человека, схватил его за плечи и встряхнул:

– Что Вы сказали? Повторите это ещё раз!

Человек опешил, но всё-таки произнёс:

– Мне бы здоровьице поправить…

Семен ликовал. Вот! Вот оно. Человечество не исчезнет с лица земли! Они не безнадёжны! «Будь, что будет»– подумал Джин. Плевать, что он попадёт в кутузку. Плевать на расписку о том, что он обязуется впредь не исполнять желаний людей. Он поможет этому ЧЕЛОВЕКУ, и отправится к Прометею. Человечество заслуживает этой жертвы.

– Я помогу Вам, – дрожащим от волнения голосом произнёс Семен. – Вы помогли мне снова поверить в людей, я помогу вам, даже ценой своей свободы. Желайте же! Все, что вы пожелаете, тотчас исполнится!

Он хлопнул ладонями и щёлкнул пальцами.

Человек смотрел на тающего перед ним Джина. Глаза его выкатывались из орбит от увиденного – настолько он был поражен.

Семен в последний раз посмотрел в глаза мужчины и, улыбнувшись, сказал:

– Желайте…

Джин растворился в воздухе, оставив человека одного на скамейке…

– Мда-а-а-а… – произнёс БОМЖ. – А что я, собственно, теряю? Если это глюк, то очень красочный.

Он зажмурился и, выставив перед собой руки ладонями вверх, что-то зашептал.

Послышался лёгкий шелест, щёлкающие звуки, и… всё затихло.

Бомж Вася открыл глаза и, посмотрев на свои руки, заулыбался своим щербатым ртом.

– О-о-о-о-о… – произнёс он. – А жизнь-то налаживается. Привет, здоровье! – воскликнул он и свернул «головку» первому из пяти флаконов Боярышника…

* * *

– Вот козлина бомжастая! – Док подскочил на кровати.

Возмущению его не было предела.

– Вот же гад, а… – потёр заспанное лицо. Проморгавшись, потянулся за графином с водой, стоящим рядом на тумбочке. Долго пил прямо из графина, напрочь игнорируя стакан, пока не осушил до дна.

– Ху! – выдохнул и задышал снова, собирая размазанные мысли по всей черепной коробке.

Посидели вчера не хило. Приговорили весь найденный коньяк, заодно ополовинив запасы Седого. Мысли упорно расползаются, словно перепуганные гусеницы, как их не лови. Нет, пока это бесполезно, надо сходить в душ и выпить кофе. Возможно, после этого удастся хоть что-то вспомнить.

– Как я ещё раздеться умудрился, удивительно. Или это

не я? – всплыл в голове аналогичный случай. Тогда в моё тело влезли призраки и, управляя им, как роботом, доехали до дома, загнали машину во двор и уложили спать, предварительно разув. Нет, ничего не помню…

Залез под прохладную струю воды.

– Ух, как хорошо-о-о-о-о, – стоял с закрытыми глазами, покачиваясь от расслабленности и удовольствия. Вода стекала по телу, журча и унося похмелье с тяжестью, проясняя сознание.

– Сейчас ещё вот зубы почищу, и совсем почти человек, – думал я, вылезая из ванны и шаря глазами в поисках полотенца.

Протерев от конденсата запотевшее зеркало, я уставился в нём на чернявого, бородатого мужика бомжеватого вида, с глубокими тёмно-синими глазами, смотрящими как-то уж очень жёстко.

– Не, мужик, я тебя не знаю, – усмехнулся я своему отражению, – но подстричь тебя обязательно надо! Такой рожей только детей пугать.

Раздался звонок телефона.

– Да? – Поднял я аппарат враждебной техники.

– Утро доброе, или пока не очень? – усмехнулся в трубке голос Прапора.

– Вот кофе выпью, тогда будет добрым, надеюсь.

– Тогда вари на двоих. Я подъезжаю уже.

– Давай, – и, нажав кнопку отбоя, поплёлся одеваться.

* * *

С историей о предательстве Прапора разобрались ещё в стабе муров.

– Я вам могу рассказать очень важную информацию, касающуюся вашего Парадиза и его правителей, если вы меня отпустите живым, – подумав немного, добавил, – и целым.

– А если без «если»? – спросил я, слегка склонив голову набок и буравя его взглядом.

Хорёк побледнел, словно покойник, вжался весь в себя и в стену, насколько это было возможно и, судорожно сглотнув, выпалил, на грани визга:

– Вас сдал Прапор! Отпустите меня, и я вам всё расскажу!

– А пое*ться в газетку, тебе случаем не завернуть, тварина?! – взревел медведем Кир, со всей силы ударив мура кованным носом ботинка по рёбрам. Раздались характерный хруст и вой, исполненный боли.

Мур, скрюченный в позе эмбриона, выл на одной ноте, как собака на покойника.

– Арман! Займись им! – рявкнул Кир, еле сдерживаясь.

Арман задумчиво посмотрел на валяющееся тело, что-то смекнув, угукнул и быстрым шагом куда-то ушёл. Вернувшись минут через десять, принёс в охапке что-то, завёрнутое в грязную тряпку. Бросил на землю. Брякнуло.

Оказалось, это обычные инструменты: молоток, гвозди,

ножовка, шуруповёрт и многое другое.

– Поднимите-ка его… ага, вот так. Руки, руки держи… Нет, выше.

Мур визжал, периодически переходя на ультразвук, вырываясь и выкручиваясь, словно червь. Приподняв его под руки, Арман оттянул одну и прибил здоровенным гвоздём к стене бани, прямо через ладонь. То же проделал и со второй рукой. Плечевой сустав зафиксировал скобами. После приколотил и ноги. Мур периодически терял сознание, замолкая.

– Э, не-е-е, дружок, так легко ты от меня не отделаешься теперь, – бурчал Арман, приводя его в чувства каждый раз. – Ну, что, начнём с меньшего, и по нарастающей? – улыбнулся он муру своей хищной, поставленной ухмылкой. – Наждачка – очень замечательное, многофункциональное изобретение. Скажи спасибо китайцам, – говорил Арман, набивая кусок наждачной бумаги для первичной шлифовки на деревяшку. – Эти узкоглазые садисты придумали такое орудие пыток ещё в тринадцатом веке. Сейчас мы тебя немного почешем… это будет приятно, обещаю, – с этими словами Арман подошёл к задыхающемуся от ужаса Хорьку и улыбнулся. – Приступим?

Рот муру пришлось заткнуть кляпом. Была большая вероятность, что его услышат на соседнем кластере и придут посмотреть. Нам же лишние зрители, ну совершенно не нужны. Сняв с Хорька примерно двадцать процентов кожи, Арман

присыпал эти места солью. С задумчивым видом окинув деяния рук своих, взялся за шуруповёрт. Спустя десять минут Мур был похож на… а хрен его знает, на кого он был похож, но смотрелось это жутко страшно.

– Полей-ка мне на руки, – попросил меня Арман, – курить охота страшно.

Мур бессильно висел, истекая кровью, и мычал сквозь кляп.

Кир, наконец, выдернул из пасти тряпку.

– Вот теперь говори. Что ты там хотел нам рассказать?

Мур заскулил:

– Жи-и-ить! Я хотел жи-и-ить. Это Бузан вас заказал. Он сказал обставить всё так, чтобы на Прапора подумали. Он заплатил Академику жемчугом. Хорошо заплатил.

Кир задумался, потирая подбородок.

– Не помню такого. Опиши.

– Здоровый такой, белобрысый, морда вся в веснушках. Он у Прапора раньше в отряде был, потом его прогнали. Не знаю, что там у вас с ним получилось, но он так вас всех ненавидит, а особенно Прапора, что его даже колотило, когда они с Академиком говорили.

– И откуда же ты, шнырь, обо всём знаешь? – Кир посмотрел пронзительно, с прищуром, как будто высматривая правду у него в глазах.

В этих глазах был страх. Безумный страх новой боли. Мур не собирался врать, он уже не хотел жить, он очень жаждал

скорой смерти и забвения.

– Этот Академик – свежак. Он в Улье не больше месяца и ещё не успел вникнуть во все дела того Академика, который был до него. А я уже шестерых пережил. Я всегда при них и всегда им помогаю вникнуть. Рассказываю, кто и что из себя представляет, кто какие косяки за собой имеет, кто в должниках, кому сам Академик должен и за что. Ну, и всё в этом роде. Иначе палево будет. О смене Шефа знали только несколько человек, самые приближённые, многие ещё с той жизни, с Земли. Кореша шефа тоже часто гибнут, поэтому я всегда рядом.

– А ты у нас, значит, бессмертный? – усмехнулся Фома.

– Нет. Просто у меня дар хороший – чуйка. Я всегда знаю, где и когда шухер будет. Прошлый Академик часто ко мне прислушивался, вот и жил долго, почти год. А этот, садюга тупорылая, не понял ещё, что не он тут главный. И что без меня ему амба. Вот и поплатились все из-за него. Если бы не ваш сенс, я бы и в этот раз выжил. Отсиделся бы сколько надо, дождался бы, пока уедете и всё. Весь стаб снова мой. Пока эта тварь снова не прилетит с очередной перезагрузкой. Его же все зеки знают и в ноги кланяются. Он, как царь для всех, а я кто, я никто… шнырь.

Мы переглянулись.

– Вот с этого момента давай подробнее, – сказал Кир, – почему ты уверен, что в следующую перезагрузку Академик вернётся?

Хорёк закашлялся и противным голосом пропищал:

– Пи-и-ить! Дайте живца, по-братски, – жалобно попросил он, глядя то на одного, то на другого из нас, но старательно избегая взгляда Армана.

– Шакалы тебе братья, падаль. Рассказывай дальше, пока я не передумал с тобой общаться, – Кир явно был не в себе.

– Он всегда возвращается, – продолжил плаксивым голосом Хорёк. – Раз в год недалеко отсюда, в лесу, грузится наша зона. Многим получается выжить. Я не знаю почему, но Академик всегда иммунный и всегда выживает. А потом они приходят сюда.

– Вот, прям, сюда? – спросил Фома. – У вас там указатели с записками что ли стоят? – усмехнулся он.

– Нет. Просто дорога одна. От зоны сюда идёт. Вот они и приходят каждый год. Но обычно, мы высылаем группу в помощь. Так больше выживает.

– И что, много иммунных? – Кир присел на корточки, вытирая свою обувь.

– Много. Если помогать отбиться, то больше десяти точно. Там же матёрых нет, только пустыши, и кластер долгий. Почти неделю обращённых нет. Всё веселье потом, а поначалу – только непонятки и буча. Мы обычно ждём, пока зомби полезут, потом отстреливаем их и забираем иммунных.

– Почему ваш Академик дохнет так часто? Идиот что ли? – спросил Фома.

– Не, просто он тут не фартовый. Его то закажут, то другие

муры на стрелке вальнут, то мутанты сожрут. Если бы меня всегда с собой брали, то долго бы жили, но это же западло – шныря рядом держать. Вот, я уже шесть лет живу, а они – меньше года.

* * *

Хорёк тогда нам очень много чего рассказал, потому и опоздали в рейд за Василисой. Но эта информация была слишком ценной, чтобы пренебречь ею.

Вчера мы всё это обсуждали и думали, как быть с этим, регулярно обновляющимся гадюшником. Решили стаб прибрать себе, заселить нормальными людьми и обязать их каждый год делать полную зачистку обновлённой зоны.

Вспомнили, кто такой этот Бузан. Раньше его звали Базис. Год назад его и ещё одного выгнали за педерастию, предварительно прогнав голыми по всему городу с баннером «Я ПИДАР». Обкидывали всякой гадостью и отрезали гениталии. Толерантность к гендерным меньшинствам и тому подобной братии в Парадизе явно не в чести. Вот один из них и объявился мстить. Интересно, куда делся второй…

– Леший, вот скажи, я вроде нормальных мужиков набираю, с опытом военной боевой службы, а мне постоянно какие-то пидоры попадаются, а? – жаловался изрядно подпитый Прапор своему другу, повиснув у того на плече. – Ну, вот как у тебя так получается принимать гражданскую зелень

и делать из неё таких бойцов, ну, скажи?

– Да, просто, вы, вояки, все контуженные на голову, – вставил Манчестер свои три копейки.

Не любил он военных, хоть и понимал, что без них никак в этом мире, где брюлики и золото не котируются совсем.

– В душу надо смотреть, сынок, а не на погоны и медали, – добродушно улыбнулся другану Леший.

– Ты представляешь: я – и предатель… – вздохнул пьяненький Прапор, продолжая сетовать на судьбу. – Вот завалю тебя, потом Манчестера… Нет, этого хомяка надо первым валить, – погрозил он Манчестеру кулаком, – потом с Седым и Киром порешу, и буду один править, как король. И лямки ваши один тянуть буду… угу.

– Пупок не развяжется? – рассмеялся Кир. – И чего это меня самым последним валить собрался? Что, думаешь самый безобидный?! – скорчив злую рожу, спросил Кир.

– Ой, да не кривляйся ты, и так в глазах всё плывёт, – заныл Седой. – Молодёжь уже вся в дрова, а мы всё сидим.

– Я ещё тут! – поднял я руку, обозначив своё присутствие в сознании, лёжа лицом в чём-то мягком и, кажется, съедобном.

* * *

Вот и мысли, вроде, ожили… ещё бы вспомнить, кто меня баиньки уложил, и, вроде, провалов в памяти больше не

осталось. О! Прапор подъехал! Вовремя. Кофе как раз закипает.

– Привет алконавтам! – В дверях показалась упаковка пива «Будвайзер» и только потом – лысая голова Прапора.

– Ты на кофе приехал или бухать? – усмехнулся я, глядя на двадцать четыре банки пива, выставленные на стол.

– Опохмеляться, конечно! Кто же кофеем похмелье снимает, тундра! Пивом надо! – Прапор плюхнулся на стул напротив меня и потянул носом поднимающийся из чашки аромат.

– Ага и рассолом. Но у меня нет ни того, ни другого. Вот кофе есть и очень хороший. Да и чувствую я себя уже отлично. Тут вообще как-то быстро это дело выветривается. Неужели тебе так плохо?

– Мне очень даже хорошо, – Прапор отпил немного горячего бодрящего напитка – М-м-м и вправду хорош, – и, чуть подавшись вперёд, спросил: – А что там у вас за девахи вчера, в машине которые, сидели? Там одна такая была – тёмненькая, смазливая на мордаху, – Прапор плотоядно оскалился.

У меня по позвоночнику пробежала толпа мурашек, неприятно шлёпая босыми лапками.

– Что? – спросил Прапор, заметив эмоцию на моём лице.

– Никак к твоей улыбке не привыкну, – ответил я, усмехнувшись.

Прапор ухмыльнулся криво, напирая на психику:

– Так, что с девчонкой-то? Ты мне скажешь?

– Понятия не имею. В больничке, у Батона, наверное.

– Да я не о том, это-то я найду. Могу ли я подойти к ней и спросить, Донна Роза, я старый солдат и не знаю даже слов любви… Трям-трям, ну в общем, ты меня понял?

– Понял, понял, – ответил я, отсмеявшись. – Иди смело! Беленькую, вроде как, Арман застолбил, Нина пока свободна, насколько мне известно. А собственно, чего это ты ко мне припёрся, с этим вопросом, м-м? – посмотрел я на товарища, прищурив один глаз.

– Да-а-а… шепнули мне, что вроде как ты на неё глаз положил, – заёрзал Прапор на стуле.

– Кто это тебе такое шепнул?! Слов на них нет, одни эмоции. – Услышанное меня очень повеселило. – Не ожидал, что, если пару раз помогу девушке донести тяжёлые вещи, её тут же припишут ко мне. Вот же, жуки колорадские.

– Ну что, по пиву? – сияющий от счастья Прапор потянулся за банкой. Открыл первую, протянул мне. Открыл вторую, приложившись к ней от души, выхлебав не меньше половины. – Всё хотел у тебя спросить, Док, что там с твоим мутантом? Ты его ещё не пристрелил?

– С чего бы? Он вполне обучаемый и совершенно не агрессивный по отношению к людям. Не видел его чуть больше недели, а уже соскучился. Да не ржи ты так!

Прапор хохотал, раскачиваясь на стуле:

– Вот скажи мне кто другой такое, не поверил бы! Надо

было его Мурзиком назвать! – не унимался старый солдат. – Нормальные люди котов заводят, а он мутанта. Да ещё и не одного, как я слышал, да?

– Остальные – это свита Умника, но они такие же разумные, как и мой. Он убивает своих подчинённых, если видит, что они тупят или не исполняют приказ. Так что, дурных не держим-с, – я усмехнулся.

– Хороший способ воспитания, мда… – отпив пива, поставил банку на стол. – Надо взять на заметку, а то расшишели мои орлы, совсем.

– Я сейчас тут с делами быстренько разгребусь. День, два, да поеду туда. Хочешь, поехали со мной, посмотришь на него, – я отхлебнул пива. – Может, и мнение своё изменишь.

– Что я, мутантов не видел?

– Таких, навряд ли. Поехали.

– Да чёрт с тобой, поехали. Где у тебя тут пепельница? – закрутил он в поисках окурницы головой с торчащей в зубах сигаретой.

* * *

– Можно с вами на остров? – спросила Рыся, присаживаясь на подлокотник кресла. – Я так скучаю по тёте Тамаре… и по Микробу тоже, – девочка улыбнулась.

– И лисятам там раздолье! – добавил сидящий на собственных ногах в кресле Аби.

– Нет. Пока нет, – обломал весь настрой детям Леший. – Слишком опасное время, посидите ещё немного дома.

– А если он совсем не придёт?! Если он тогда просто мимо проходил?! – возмутился мальчик.

– Аби, в тот раз на острове было три элитника. Он дал им вырасти, потом пришёл и съел. Пока только Умник дорос до элиты. Борзя и Разбой руберы, Моня кусач, а Микроб вообще ещё топтун. Так что, он может прийти в любой момент. Может и сегодня, а может и через месяц, кто знает.

– Но Леший… – начал снова канючить Аби.

– Я дважды терял своих детей. Аби, не делай так, чтобы я прошёл через это в третий раз.

Мальчик осёкся, не договорив, чего хотел. Опустил голову.

– Прости…

Серый Ниф запрыгнул на кресло, молниеносно всё обнюхав, ткнулся острой мордочкой в лицо Абирона и лизнул длинным языком.

– ФУ-У-У! Ниф! Что ты ел?!

Лисёнок тут же юркнул под диван. Аби рукавом вытер лицо.

– Я бы, на твоём месте, умылась, – усмехнулась Рыся. – У тебя всё лицо в крови. Кажется, он снова соседского кота поймал, или птичку.

– Или крыску, – добавил, улыбнувшись Леший.

Парнишку «сдуло ветром», только хлопнула дверь в ван-

ной комнате, и зажурчала вода.

– Леший, а эти скребберы, что они из себя представляют? – спросила Рыся, перевалившись поудобнее, сев в кресло. – Кто они, тоже бывшие люди? Почему все их так боятся?

– Ох, Рыся, не знаю я… и, наверно, никто не знает. А боятся их все, потому что неизведанное всегда пугает. Самые загадочные существа в этом мире. Возможно, они коренные жители планеты. А может быть, они – продукты генной инженерии учёных. На вид-то они разные и способности у них разные. Может и встречаются одинаковые, но я не видел. Все те, кого встречал, были абсолютно несхожи. – Пожал он огромными плечами.

– А многих ты встречал?

– На пятерых ходил. Троих случайно видел на расстоянии.

– Мно-о-го… – насупилась Рыся. – Наверно, было страшно… Во второй раз всегда страшнее, чем в первый.

– Правильно, Рыся. Во второй раз ты уже в полной мере осознаёшь всю опасность и близость смерти. Ты понимаешь, насколько тонка грань, по которой тебе предстоит пройти.

Рыся помолчала пару минут задумавшись. Потом спросила:

– Леший, может, они как мутанты – бесполые, или как собаки разных пород? Доберман ведь тоже совсем на болонку не похож, но они оба принадлежат одному определению – собаки. Так и скребберы: у них разделение на породы есть. И размножаются они только с подходящими породами. – Де-

вочка вновь задумалась.

Её серьёзные карие глаза отображали усиленную работу мозга.

– Может и так. Их сложно изучать. Учёные хорошо платят за тела дохлых скребберов. Но я не думаю, что кому-то удалось притащить им подобного живого зверя.

– Как ты думаешь, сколько они бы за живого скреббера заплатили?

– Ну-у-у, – полез Леший пятернёй в бороду, – за самого мелкого, думаю, не меньше шести белых жемчужин.

– Ого! – откликнулся Аби, который уже давно умылся и пристроился рядышком на то же кресло.

Леший сидел напротив, занимая собой почти весь диван, и пил горячий, дымящийся, ароматный чай на травах. Он любил делать разные сборы по ходу рейдов, комбинировать и делать замечательные, чудотворные настои и чаи. Свой живчик он тоже делал на травах, да так виртуозно, что противного запаха и привкуса споранов практически не ощущалось. Рыся тянулась к его знаниям и опыту, постоянно наблюдая за процессом приготовления и расспрашивая о каждом растении.

Этот чай комбинировала и заваривала она.

Леший впервые похвалил. Втянув носом аромат, он зажмурился и произнёс:

– Добрый… – раньше он никому не доверял заваривать для него чудо-чай.

– Ничего и не «ого». Со скреббера сколько обычно жемчуга берут? От одной до шести, так ведь? А ещё янтарь. Он же тоже очень ценный. Плюс – сама туша. Это уже получается не хило. А если учесть, что его надо исхитриться живым изловить, да ещё и доставить, не потеряв, то так оно по справедливости и получается, – объяснила Рыся Абирону.

Леший, склонив голову к здоровенной кружке, тихонько улыбнулся. Его радовала рассудительность девчушки и интерес к природе. Она отлично ходила по лесу, читала следы, а главное – задавала правильные вопросы. Он видел в ней своего третьего сына, Прохора. Леший тяжело вздохнул.

– А если в него стрельнуть снотворным, очень большой дозой? Или, к примеру, заманить в ловушку и пустить усыпляющий газ? – генерировал идеи паренёк, мечтая захватить живого скреббера. – Или… – задумавшись, он смешно скривил лицо, собрав брови домиком и подкатив глаза ко лбу, – или напихать снотворного в мясо, или что он там ест?

– Элитников он ест. Ты предлагаешь скормить ему нашего Умника? – пристально посмотрела на него Рыся, приподняв одну бровь.

– Нет, конечно! Что ты такое говоришь?! – Аби аж подскочил в кресле, – корову можно напичкать, к примеру, и подсунуть.

– Не ест он коров. – Рыся продолжала смотреть на мальчишку. – Он ест элитников! – Перевела взгляд на Лешего, который внимательно наблюдал за ними. – Леший, а поймать

элитника же легче, чем скреббера? Если ему нужна приманка, то мы можем поймать дикого мутанта, напичкать его снотворным и подсунуть. Он сожрёт конфетку и ляжет баиньки, а тут и мы придём, – расплылась она в улыбке.

– Да! – Подскочил на месте Аби, подавшись чуть вперёд, едва не свалившись с кресла. – И дикие мутанты прекрасно жрут коров! – Прищурив глаза, хитро улыбнулся, сразу напомнив лисят, которые собираются нашкодить. – Напичканных снотворным коров! – выдал он победоносно.

Леший рассмеялся, заухав, как гигантская сова-переросток.

– Замечательный план, молодцы. Вот только одна загвоздка: где бы нам раздобыть два, а лучше четыре вагона со снотворным?

Дети переглянулись и задумались.

* * *

– Вставай, дрыхля! Тебя никогда в жизни не примут в сторожевые собаки, ты проспишь всё на свете!

Умник, не открывая глаз, шумно втянул носовыми отверстиями воздух и тут же сгрёб меня огромной лапищей.

– Это, правда, ты, или ты мне опять снишься? – сказал семиметровый, шипастый, бронированный элитник, приоткрыв один чёрный глаз с вертикальным жёлтым зрачком, рассматривая меня почти в упор.

– Ух, ты! Какие у тебя глазюки! – я был восхищён и удивлён.

Мне приходилось видеть нескольких элитников, но у всех глаза были просто чёрные, без зрачков. Умник открыл второй глаз и оскалился в приветственной, радостной улыбке. Неподготовленный человек, наверное, упал бы в обморок от такого зрелища, но я давно уже привык, тем более, они с Прапором улыбаются очень похоже.

– Я скучал, Док. Тебя долго не было. Ты привёз своего Детёныша?

– Нет, Умник. Она обернулась, – я вздохнул.

– Не грусти. У нас будет хорошая охота, тогда ты сможешь забрать своего детёныша. Док, моя стая хочет объединиться. Я давно ждал этого, наконец, они созрели. Твоя стая готова принять нас, как младших собратьев?

От удивления я даже присел на руку Умника.

– Вот ты меня ошарашил, конечно, новостью. Нельзя же так сразу.

– Почему? Как, тогда можно? – не понял меня Умник.

Как я заметил, мутанты вообще прямолинейные существа, не умеющие врать и юлить.

– Всё в порядке. Это я так, к слову. Я очень рад. Это замечательная идея. Думаю, Леший согласится на слияние. Главное, чтобы и остальные вас приняли. Ты меня понимаешь?

– Мне иногда очень сложно тебя понять, но это я понимаю. Высший человек очень мудрый, и стая ему соответству-

ет. Я очень надеюсь, что нас примут. Вместе мы будем гораздо сильнее.

Умник застыл на месте, принюхался…

– Я чую маленьких свинят, – так он называл лисят. – Ты привёз с собой детёнышей? Опять Микроб и Разбой с Борзей будут пропадать у вашего лагеря. Бедная Тамара.

Переживания Умника мне хорошо понятны, я тоже переживал ничуть не меньше.

Микроб был без ума от Аби и Рыси. А Разбой с Борзей очень сдружились с лисятами. Собравшись вместе, они устраивали натуральный апокалипсис. Погоня за юркими лисятами верхом на мутантах по всему лесному лагерю – это хуже урагана «Катрина» на Земле. Особенно страдала Тома, которой обязательно разносили кухню и обчищали подчистую все мясные запасы по ходу забега.

Я помню, как в прошлый раз Борзя нёсся галопом на всех четырёх лапах. В зубах болталась половина коровьей туши, а следом на УАЗе Кепа гналась разъярённая Тамара, крайне нецензурно бранясь и периодически угрожая кулаком.

Но больше всех доставалось впечатлительным свежакам, если на тот момент им «посчастливилось» быть в лагере. Обмороки и обгаженные штаны – это в порядке вещей. От Мони проблем не было вообще. Он обычно всегда держался неподалёку от Умника, чопорно выполняя все его приказы. Моня не умел веселиться – он слишком серьёзен для этого.

В лагерь я вернулся верхом на Умнике. Сегодня все бы-

ли в лесном стабе. Городской кластер скоро пойдёт на перезагрузку. Умник предупредил о том, что он слишком часто мерцает. Эта перезагрузка была не по расписанию.

Вот, опять подтверждается, что в Стиксе нет ничего постоянного, кроме непостоянства. Если бы не чутьё мутантов, то нас бы хорошо накрыло. Не факт, что успели бы убежать.

Тома и Кеп оставались здесь постоянными дежурными. Торос с Мухой тоже, практически всё время проводили на острове, изредка их сменяли Филин и Леший. Как ни странно, но они прекрасно понимали мутантов и без меня. Тамара придумала язык жестов. Стая очень быстро его освоила, и теперь при необходимости мутанты спокойно могли сообщить людям то, что хотели. Это было очень удобно, особенно для меня.

Спешившись перед домом, я стал свидетелем любопытной картины. Леший с Прапором и Мухой разделывали свежую тушу коровы. Борзя, типа спрятался за кустом, выглядывал, роняя на листву слюни.

– Я тебя вижу, Борзя! Даже не думай от меня прятаться! – громко сказала вышедшая из сарая Тамара, неся несколько тазов для мяса.

При первом же звуке её голоса мутант спрятал за куст голову, при этом отклячив зад. Растение явно было слишком маленьким для почти пятиметрового мутанта, он не помещался там целиком. Как только женщина прошла мимо, Борзя шмыгнул в сторону того самого сарая, из которого она

только что вышла, и тут же оказался на крыше.

– Это невероятно, – прошептал я, но Умник всё равно услышал.

– Ничего удивительного. У него дар – лёгкий.

– Как, дар?! – я удивился ещё больше. – Что и у вас дар открывается?

– Да. Я – быстрый. Борзя – лёгкий. Разбой умеет прятаться и прятать стаю.

– Скрыт, значит. А Моня с Микробом что могут?

– Пока ничего. Они слишком маленькие. Дар придёт позже.

– Угу… – задумчиво потёр подбородок, вернувшись к наблюдению за Борзей. «Интересная информация» – подумал я.

Этот разбойник распластался на весь правый скат крыши, периодически выглядывая и наблюдая за передвижениями Тамары. Мужчины, разделывавшие тушу, переговаривались. Леший улыбался, то и дело поглядывая на горе-шпиона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.